

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Соболев Г.Л.</i> Валентин Михайлович Ковальчук и его труды по обороне Ленинграда	5
--	---

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда

<i>Иванов В.А.</i> Правда, ничего кроме правды о Военном трибунале г. Ленинграда в период блокады	20
<i>Мусаев В.И.</i> Урегулирование советско-финляндских отношений на заключительном этапе Второй мировой войны	38
<i>Пянкевич В.Л.</i> Немцы в неформальном коммуникативном пространстве блокадного Ленинграда	48
<i>Соболев Г.Л.</i> Ленинградские учреждения АН СССР в блокадном дневнике Г.А. Князева	77
<i>Твердюкова Е.Д.</i> Торговля в Ленинграде после снятия блокады (1944–1945 гг.)	88
<i>Хасс Дж.</i> Выживание в годы войны и «история». Проблема самостоятельности выбора и различные модели человеческого поведения во время ленинградской блокады	105
<i>Яров С.В.</i> Благодарность за помощь как этическая норма в блокадном Ленинграде	123
Семья и война. Ленинградские письма В.Н. Дворецкой детям летом–осенью 1941 г. <i>Публикация, вводная статья</i> <i>и комментарии В.Г. Вовиной-Лебедевой</i>	142
«Новоизобретенный способ защиты от химической войны раненых и больных бойцов и граждан» врача П.Г. Бакалейникова <i>Публикация, вводная статья и комментарии Э.Л. Коришунова</i>	161
Эвакуация населения Ленинграда по ледовой автодороге в 1941 г. (По документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга). <i>Публикация, вводная статья</i> <i>и комментарии Н.Ю. Черепениной</i>	177

Россия в довоенный период

<i>Измозик В.С.</i> Большевик Л.Б. Каменев и великий князь Михаил Александрович: исторический факт и исторический миф	202
<i>Смирнов Н.Н.</i> Визит А. Тома в Россию (апрель–июнь 1917 г.)	220
<i>Абросимова Т.А.</i> Идеологизация науки и высшей школы России в первые годы Советской власти	228
<i>Зайцева О.О.</i> Средства урегулирования трудовых конфликтов в Петрограде (Ленинграде) в 1921–1925 гг.: пропаганда	238
<i>Лебедев С.К.</i> «Рустранзит»: германские банки и советские ведомства в 1920-х гг.	262
<i>Ходяков М.В.</i> «Исключить за сокрытие социального положения»: «чистки» в Ленинградском университете второй половины 1920 — начала 1930-х годов	281
<i>Балашов Е.М.</i> Последние годы советской педологии: политический аспект	291
<i>Кедров Н.Г.</i> Местная власть глазами крестьянства Русского Севера 1930-х годов	314

СССР в конце 1940 — начале 1990-х годов

<i>Рупасов А.И.</i> Рольф Сульман и советско-шведские отношения в конце 1940–1950-х гг.	330
<i>Богомолов А.И.</i> Материалы первичных партийных организаций как источник для изучения отношений ленинградских рабочих и власти в 1953–1956 гг.	346
<i>Чистиков А.Н.</i> Ленинградский турист в европейских странах народной демократии (по материалам отчетов руководителей туристских групп начала 1960-х гг.)	354
<i>Ганелин Р.Ш.</i> Б.Н. Ельцин в Таллине 13 января 1991 г.	367
<i>Санникова Я.М.</i> Аграрная реформа 1990-х гг. на Севере Якутии: традиционные отрасли хозяйства и официальная политика	371
Personalia	379
Биобиблиографический указатель трудов В.М. Ковальчука за 1943–2010 гг.	380
Список сокращений	402
Сведения об авторах	408

ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ КОВАЛЬЧУК И ЕГО ТРУДЫ ПО ОБОРОНЕ ЛЕНИНГРАДА

22 июля 2011 г. исполняется 95 лет главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Валентину Михайловичу Ковальчуку. Вот уже более 50 лет он работает в Петербургском институте истории РАН, в котором он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом истории современной России.

В.М. Ковальчук пришел в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1960 г., когда оно, пережив трудные времена конца 40 — начала 50-х гг., стало оправляться от постигнувших его ударов судьбы и расширять научную деятельность, пополняя свои ряды новыми научными кадрами. Именно тогда была создана группа истории советского общества, в которой стал работать и В.М. Ковальчук. Его организаторские способности (в годы Великой Отечественной войны он служил в Морском Генеральном штабе, а затем преподавал в Военно-морской академии) проявились и на новом месте работы, и вскоре он был назначен руководителем авторского коллектива по подготовке пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С этого времени началось наше многолетнее сотрудничество, поскольку я стал не только членом этого авторского коллектива, но и его ответственным секретарем. Впереди предстояла огромная работа по выявлению и изучению новых источников (а тогда они почти все были новыми!) в военных и партийных архивах, встречи с видными военачальниками, подготовка и обсуждение авторских глав при участии представителей Ленинградских обкома и горкома партии. И, как я сейчас отчетливо представляю, В.М. Ковальчук был ключевой фигурой, благодаря которой многочисленные трудности и препятствия успешно преодолевались. Я хорошо помню наши поездки в Москву в отдел истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма, в Центральный архив Министерства обороны, где получить необходимые нам материалы даже при наличии всех форм допуска к секретным документам нередко удавалось только благодаря харизме В.М. Ковальчука. Его человеческое обаяние, редкая ком-

муникабельность и эрудиция ярко проявились в плодотворных встречах с видными военачальниками, имевшими непосредственное отношение к обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: народным комиссаром Военно-Морского флота адмиралом Н.Г. Кузнецовым, начальником артиллерии Советской Армии генералом Н.Н. Вороновым, командующими в разное время Ленинградским фронтом генералами М.М. Поповым и М.С. Хозиным, командующим Краснознаменным Балтийским флотом В.Ф. Трибуцем, командующим военно-воздушными силами Ленинградского фронта генералом А.А. Новиковым, начальником инженерных войск Ленинградского фронта генералом Б.В. Бычевским и др. Многих из этих выдающихся военачальников В.М. Ковальчуку удалось уговорить не только написать воспоминания специально для сборника «Оборона Ленинграда», но и приехать в Ленинград на торжественное заседание Ученого Совета Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Это заседание стало важным событием не только в научной жизни нашего коллектива, но и всей общественности Ленинграда, впервые увидевшей своих героев вместе после реабилитации позорного «ленинградского дела».

Изучая новые документы в архивах, мы приходили к выводу о том, что многие проблемы истории блокады и обороны Ленинграда нуждаются в переосмыслении и уточнении. К их числу в первую очередь относился вопрос о смертности населения в осажденном Ленинграде. В результате изучения и обсуждения новых документов мы с В.М. Ковальчуком пришли к единому мнению о том, что содержащаяся в опубликованном «Докладе в Чрезвычайную государственную комиссию об итогах расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного Ленинграду в годы войны и блокады» цифра погибших от голода в 632253 человека является неполной и требует существенного уточнения. Изучив всю совокупность имевшихся в нашем распоряжении документов, мы пришли к выводу о том, что в период вражеской блокады в Ленинграде погибло от голода не менее 800 тыс. человек. Свое обстоятельное исследование со всеми нашими доказательствами и расчетами мы представили в редакцию журнала «Вопросы истории», с которой у нас была предварительная договоренность. К сожалению, вместо нашей статьи «О жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады» редакция опубликовала в декабрьском номере за 1965 год всего лишь ее резюме под названием «Ленинградский „реквием“», поместив его в разделе «Заметки», дабы не привлекать к этому острому тогда вопросу излишнее внимание. Тем не менее наша «заметка» вызвала, без преувеличения, сенсацию и была даже перепечатана в ряде западных исторических изданий. Опубликованные нами новые данные о смертности ленинградцев в годы блокады

вошли и в изданный в 1967 году пятый том «Очерков истории Ленинграда», подготовке которого отдал много сил В.М. Ковальчук в качестве ответственного редактора и автора многих разделов.

Хотя публикация «Ленинградского „реквиема“» получила широкий общественный резонанс и поддержку специалистов и видных участников обороны Ленинграда, в том числе маршала Советского Союза Г.К. Жукова, реакция партийных идеологов на эту публикацию была резко отрицательной. Главным обвинителем выступил Д.В. Павлов, бывший наркомом торговли РСФСР, находившийся с сентября 1941 г. по январь 1942 г. в Ленинграде в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города. Он употребил все свое влияние, чтобы не допустить введения в научный оборот новых данных о смертности ленинградцев в годы блокады. Представляя авторов «Ленинградского „реквиема“» дилетантами и пособниками фальсификаторов истории, Д.В. Павлов в своем письме секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову писал: «Менять через 30 лет известную всему миру цифру 632 тысячи на другую — 800 тысяч ничего полезного не даст, а только подорвет стабильность заявлений нашего правительства. А кому это выгодно? Прошу Вас не допустить публикации другой цифры». Откликаясь на эту «просьбу», главный идеолог страны дал соответствующие указания отделу пропаганды ЦК КПСС, а цензура вплоть до начала перестройки не пропускала в печать никаких других сведений о смертности ленинградцев в годы блокады, кроме официальных. Но повлиять таким образом на авторов «Ленинградского „реквиема“» и заставить их покаяться и вернуться к «официальной цифре» погибших от голода в заблокированном Ленинграде не удалось.

Я остановился здесь на, казалось бы, частном вопросе в первую очередь потому, чтобы показать, что далеко не все историки блокады были тогда лакировщиками и конформистами и что, несмотря на партийное и административное давление, не шли на сделку со своей совестью, отстаивая свое право на поиски исторической правды. В.М. Ковальчук, несомненно, является одним из таких историков.

В.М. Ковальчуку принадлежит глубокое исследование одной из центральных проблем истории обороны Ленинграда — роли Ладожской коммуникации как единственного пути, связавшего заблокированный Ленинград с Большой землей и ставшего для него подлинной Дорогой жизни. Чтобы оборонять осажденный Ленинград, необходимо было доставлять подкрепления, боеприпасы и вооружение защищавшим его войскам, обеспечивать продовольствием и топливом, проводить эвакуацию значительной части мирного населения, больных и раненых воинов, вывозить наиболее ценное промышленное оборудование и матери-

алы. Решение всех этих жизненно важных задач упиралось в проблему коммуникаций, ставшую ключевой проблемой обороны Ленинграда. Это хорошо понимали тогда руководители обороны города, к этому пониманию пришел как исследователь проблемы В.М. Ковальчук, изучивший в архивах страны все доступные и даже недоступные для других документы и воспоминания. Он встречался со многими советскими и партийными работниками, имевшими непосредственное отношение к строительству и эксплуатации Ладужской коммуникации. В результате длительной и кропотливой исследовательской работы В.М. Ковальчук подготовил фундаментальный труд, в котором были детально изучены все этапы сооружения и действия Ладужской коммуникации. На огромном фактическом материале он убедительно показал, какая гигантская работа была проделана для того, чтобы Ладужская трасса стала Дорогой жизни.

В эту работу были втянуты десятки тысяч людей, которые строили подъездные пути к Ладужскому озеру, сооружали порты, ремонтировали и строили новые суда, доставляли продовольствие по бурному озеру осенью 1941 г., а затем по ледовой дороге, эвакуировали население, доставляли в Ленинград боеприпасы и вооружение, военные пополнения. За время блокады в Ленинград было завезено 1,5 млн. тонн различных грузов, из которых более половины составляли продукты питания, а из осажденного города по Ладоге был эвакуирован почти миллион жителей. В результате своего исследования В.М. Ковальчук убедительно доказал, что Ладужская коммуникация, не имевшая аналогов в мировой истории по масштабам осуществленных по ней перевозок, по сложности и опасностям, связанным с ее строительством и эксплуатацией, могла возникнуть и воплотиться в жизнь благодаря героизму, воле и мужеству всех защитников Ленинграда, их неуклонной вере в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Опубликованная в 1975 г. книга В.М. Ковальчука «Ленинград и Большая земля. История Ладужской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг.» стала существенным вкладом в историографию обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, получила высокую оценку как историков, так и оставшихся еще в живых участников Ладужской эпопеи. В 1976 г. В.М. Ковальчук с блеском защитил по этой проблеме докторскую диссертацию, одним из официальных оппонентов по которой выступил бывший командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц.

Говоря о вкладе В.М. Ковальчука в изучение обороны и блокады Ленинграда, следует особо отметить его роль в издании серии документальных публикаций. Если иметь в виду, что в 60–70-е годы многие

документы по блокадной тематике еще оставались на секретном хранении, то станет понятным значение вышедшего в 1966 г. под редакцией В.М. Ковальчука сборника документов «900 героических дней». В ходе подготовки этого сборника к печати было выявлено свыше 3 тыс. документов, из которых была опубликована лишь небольшая часть. Но зато какие! Так, например, публикаторы на свой страх и риск рассекретили приказ главнокомандующего Северо-Западным направлением К.Е. Ворошилова об организации обороны Ленинграда от 20 августа 1941 г. Один из пунктов этого приказа гласил: «Вооружить рабочие батальоны винтовками, охотничьими ружьями, пулеметами, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также холодным оружием: саблями, кинжалами, пиками и др.» (!) Еще одной ценной публикацией, подготовленной под руководством В.М. Ковальчука и вышедшей в 1968 г., стал сборник «Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников». В предисловии к этому сборнику маршал Советского Союза М.В. Захаров назвал его «одной из лучших книг, посвященных ленинградским событиям Великой Отечественной войны». И в самом деле, в эту книгу вошли специально написанные для этого сборника воспоминания многих видных военачальников, а также стенограммы воспоминаний советских и партийных работников, дневники руководителей ленинградских предприятий, медиков, учителей.

Среди подготовленных под руководством В.М. Ковальчука документальных публикаций нужно выделить и вышедший уже в 2002 г. сборник документов «Страна — Ленинграду. 1941–1945». Опубликованные в нем документы убедительно свидетельствуют о том, что оборона Ленинграда и всесторонняя ему помощь стали всенародным делом и важной государственной задачей. Наряду с мерами военного характера, направленными непосредственно на защиту города, большое внимание уделялось снабжению населения и воинов продовольствием, топливом, оружием и боеприпасами. Из документов видно, что помощь ленинградцам являлась выражением единства и солидарности народов СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Эшелоны с собранными для ленинградцев подарками, в первую очередь продуктами питания, сопровождали делегации трудящихся, в составе которых были знатные люди областей, краев и республик. Только в феврале-марте 1942 г. в блокированном Ленинграде побывали 17 делегаций, которые встретились с воинами и рабочими.

Признанием научного авторитета В.М. Ковальчука стало его приглашение в авторский коллектив многотомной «Истории Второй мировой войны», в которой им написаны практически все разделы, имеющие отношение к битве за Ленинград в годы войны и блокады.

В.М. Ковальчук много делает и для пропаганды подвига защитников Ленинграда. Под его руководством была подготовлена научно-популярная книга «Непокоренный Ленинград», изданная в 1970, 1974 и 1985 гг.

Расширяя и углубляя тематику своего научного творчества, В.М. Ковальчук исподволь готовился к написанию своего главного труда по истории обороны Ленинграда. Опубликованная в 2005 г. книга В.М. Ковальчука «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944» — итог его многолетних исследований, и после ее прочтения особенно отчетливо понимаешь, что такая работа могла быть написана только им, плодотворно занимающимся этой проблематикой вот уже почти 50 лет. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что В.М. Ковальчук написал действительно новую книгу, в которой на основе новых документов и достижений современной историографии рассматриваются самые различные стороны жизни и борьбы защитников Ленинграда в период войны и блокады города. Именно опубликованные в последние годы документы как у нас, так и за рубежом позволили В.М. Ковальчуку воссоздать более полно и объективно, чем это делалось ранее в отечественной историографии, историю обороны Ленинграда, не только раскрыть ее героические страницы, но и приоткрыть трагические.

Избранный автором проблемно-хронологический принцип изложения событий позволил ему, по моему мнению, последовательно рассмотреть и глубоко осмыслить основные проблемы, связанные прямо и косвенно с причинами длительной осады противником Ленинграда, с тяготами и лишениями его населения. Конечно, он не имел возможности в одной книге детально остановиться на каждой из них и был вынужден прибегать к обобщенным оценкам и заключениям, основанным на изучении всех имевшихся в его распоряжении источников. Так, суждение В.М. Ковальчука о том, что «после уничтожения сил Красной Армии, находившихся в западной части Советского Союза, захват Ленинграда стал едва ли не главной целью немецкого командования», мне представляется предпочтительнее категорических утверждений историков, выхватывающих из директивных документов немецкого командования отдельные цитаты. В.М. Ковальчук показывает, что намерения Гитлера и планы вермахта в отношении Ленинграда не могли не учитывать обстановки, складывающейся не только на ленинградском, но и на других направлениях, в особенности на московском. Вместе с тем всем содержанием своей книги он доказывает, что битва за Ленинград оказала существенное влияние на ход военных действий на всем советско-германском фронте: сковав одну из трех основных группировок войск противника, защитники осажденного города не позволили ему перебрасывать отсюда подкрепления на другие участки фронта. В то же время

успехи советских войск на других направлениях сыграли большую роль в улучшении положения под Ленинградом. В частности, битва под Москвой помешала гитлеровскому командованию сосредоточить достаточные силы для штурма Ленинграда.

Основываясь на опубликованных в последние годы новых документах, В.М. Ковальчук показывает, что, придавая обороне Ленинграда первостепенное значение, Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Командования и сам Верховный Главнокомандующий в критические дни лета и осени 1941 г. внимательно следили и активно вмешивались в происходившие на ленинградском направлении сражения, хотя оказать существенную помощь переброской крупных военных сил не могли ввиду тяжелого положения на всем советско-германском фронте. Однако это вмешательство и особое внимание Сталина, граничившие с подозрением и недоверием, сковывало действия и без того пассивного военного руководства обороной Ленинграда во главе с К.Е. Ворошиловым. Показательно, что в телеграмме В.М. Молотову и Г.М. Маленкову, находившимся в Ленинграде в конце августа 1941 г. в составе комиссии ГКО, Сталин даже высказал предположение, что «кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке».

В связи с этим нельзя не отметить, что командование группой армий «Север» в это время было уверено, что советская сторона уже исчерпала все свои резервы и не в состоянии перебросить на ленинградское направление сколько-нибудь значительных подкреплений. Командующий этой группировкой армий генерал-фельдмаршал фон Лееб полагал, что и советское руководство считает нереальным удерживать Ленинград в течение длительного времени. В самом деле, Сталин, направляя в сентябре 1941 г. в Ленинград Г.К. Жукова, по свидетельству последнего, мало верил в возможность отстоять город. Приводя это свидетельство, В.М. Ковальчук отмечает, что положение Ленинграда было в это время настолько тяжелое, что был принят так называемый план «Д», предусматривавший вывод из строя важнейших промышленных предприятий, мостов и других важных объектов «на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района». Теперь, когда этот план опубликован в серии «Архив Большого дома», видно, насколько конъюнктурны и поверхностны были утверждения ряда журналистов и писателей, полагавших, что якобы планировавшийся одновременный взрыв всех этих объектов должен был опустить Ленинград на «дно». Насколько это не соответствовало действительным намерениям советского руководства, можно судить и по фактам создания резидентур НКВД и партийного подполья для борьбы с врагом в случае захвата города. Об этом пишет и В.М. Ковальчук.

Отвечая на вопрос о том, почему такая крупная группировка немецко-фашистских войск, как группировка армий «Север», подступившая вплотную к стенам Ленинграда, была вынуждена не только окопаться и перейти к обороне, но и полностью потеряла в дальнейшем способность вести успешные наступательные действия, В.М. Ковальчук, по моему мнению, убедительно доказывает, что главной причиной краха гитлеровских планов захвата Ленинграда явилось непреодолимое для фашистов сопротивление защитников города, в результате которого вермахт понес тяжелые потери. Автор при этом не скрывает, что остановить противника удалось дорогой ценой: в так называемой ленинградской стратегической оборонительной операции (10 июля — 30 сентября 1941 г.) войска Красной Армии потеряли убитыми, пропавшими без вести и пленными 214 тыс. человек! Ранее советские историки были вынуждены писать в основном о потерях противника, а на свои потери в течение длительного времени был наложен гриф секретности. Воздавая должное героизму ленинградских ополченцев, В.М. Ковальчук пишет и о том, что они были плохо подготовлены в военном отношении и часто почти не вооружены, следствием чего десятки тысяч ополченцев погибли у стен родного города.

Из книги В.М. Ковальчука читатель узнает новые факты, имеющие отношение к варварскому плану Гитлера уничтожения Ленинграда и его населения. Используя вышедшие в последние годы в ФРГ и у нас документы, дневники и воспоминания немецких военачальников, он показывает, что германское командование, не выполнив приказа Гитлера захватить Ленинград, оказалось осенью 1941 г. в растерянности и не знало, что делать дальше и как поступить с населением блокированного города, от которого немецкие войска находились всего в нескольких километрах. Последовавшие затем директивы германского командования от 29 сентября и 7 октября 1941 г., согласно которым Ленинград должен быть до основания разрушен путем артиллерийских обстрелов и бомбежек с воздуха, положили конец этим сомнениям. Правда, командующий группой армий «Север» фон Лееб в своих дневниковых записях впоследствии утверждал, что он лично директив Гитлера об уничтожении Ленинграда не получал. «Но если бы я даже получил такой приказ, — писал Лееб, — я никогда бы не смог его выполнить, так как, во-первых, у меня совсем не было артиллерии, способной сровнять Ленинград с землей, во-вторых, еще меньше было боеприпасов к ней, и, в-третьих, имеющимися артиллерийскими средствами я не мог по их дальности действия достичь северной части города, ну и, в-четвертых, у меня не было ни единого бомбардировщика». Комментируя это утверждение, В.М. Ковальчук справедливо пишет, что в действительности Лееб, как и все последую-

щие командующие группой армий «Север», «все время наращивал артиллерийские средства и авиацию под Ленинградом и, подвергая город ежедневным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха, стремился выполнить приказ Гитлера уничтожить ленинградцев и сровнять город с землей». Нельзя не согласиться с автором, что рассуждения некоторых писателей, журналистов и даже историков о том, что Ленинград нужно было объявить открытым городом, носят спекулятивный характер, поскольку в свете приведенных немецких документов ему, как и Москве, отнюдь не была уготована судьба европейских столиц, сдавшихся на милость победителя.

Однако в центре капитального труда В.М. Ковальчука — жизнь и борьба защитников Ленинграда в самый трудный период блокады города 1941–1942 гг. Содержание этой главной части книги точно отражает ее название «Трагедия и подвиг». Опираясь в первую очередь на достоверные исторические факты и почти не прибегая к пафосной риторике, В.М. Ковальчук дает глубокую характеристику жизни блокированного города, которая была столь же трагической, сколь и героической. Как бы продолжая здесь полемику с фон Леебом, автор приводит убедительные данные о том, что с первых же дней блокады немецко-фашистские войска начали варварские артиллерийские обстрелы и авиационные бомбардировки с целью уничтожения Ленинграда и его жителей. Только за первые три месяца блокады город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. 8 сентября 1941 г. на Ленинград было сброшено свыше 6 тыс. зажигательных и 48 фугасных бомб, от которых возникло 183 пожара в различных концах города. Вместе с тем, опираясь на опубликованные новые документы, В.М. Ковальчук показывает, что ущерб, нанесенный в этот день продовольственным запасам блокированного города, в частности хранившимся на Бадаевских складах, не мог стать причиной голода, как это представлялось в массовом сознании блокадников и потом распространилось в мемуарной и исторической литературе. Основываясь на опубликованных и архивных источниках, автор убедительно доказал, что Ленинград, являясь центром высокоразвитой пищевой промышленности, тем не менее не имел запасов продовольствия на длительное время. Более того, эти запасы стали быстро сокращаться в первые месяцы войны, а руководители города во главе с А.А. Ждановым проявили, мягко выражаясь, беспечность и халатность, отказываясь от продовольственных поставок сверх плана на том основании, что продовольствие негде хранить (!?) За это головотяпство очень скоро пришлось расплачиваться неоднократным снижением выдачи продуктов питания населению вплоть до 250 г хлеба рабочим и 125 г иждивенцам и служащим в ноябре — декабре 1941 г.

Используя опубликованные в последние годы дневники ленинградцев-блокадников, В.М. Ковальчук ярко показывает, какие муки голода пришлось пережить населению осажденного города, на какие преступления, вплоть до каннибализма, толкал голод обезумевших людей.

Нарисованная в книге трагическая картина смертности в блокированном Ленинграде впечатляет своими масштабами. При этом автор пользуется только достоверными данными (насколько они могли быть таковыми в то время), не опускается до бесстрастной констатации фактов массовой смертности, а выявляет высокий моральный дух, стойкость, самоотверженность ленинградцев, боровшихся за свою жизнь и близких до последнего дыхания. Одновременно В.М. Ковальчук обнажает цинизм гитлеровского военного командования, стремившегося решить проблему Ленинграда путем голодной смерти его населения. В феврале 1942 г. немецкое командование, располагая данными о массовой смертности населения в блокированном городе, зловеще предсказывало, что эта смертность будет нарастать с каждой неделей.

В новой книге В.М. Ковальчука использованы опубликованные в последние годы секретные ранее документы Управления НКВД по Ленинграду, которые позволяют получить более полное представление о морально-политическом настрое и поведении ленинградцев в годы блокады. Из этих документов видно, что вопрос о том, кто несет ответственность за голод и страдания в осажденном Ленинграде, постоянно обсуждался его жителями, а часть из них прямо обвиняла центральные и местные власти в некомпетентности и даже вредительстве. Однако В.М. Ковальчук не соблазнился пойти в своей книге по пути огульного обвинения властей во всех лишениях, выпавших на долю ленинградцев. Он показывает, что руководство обороной Ленинграда, совершив немало ошибок, предпринимало отчаянные усилия для того, чтобы пульс жизни в городе не остановился совсем. Он также подчеркивает, что жесткая и до предела централизованная власть, сосредоточенная тогда всецело в Смольном, опиралась не только на суровые административные меры и продовольственную диктатуру, но и на понимание подавляющей частью населения своего патриотического долга, на ее решимость защищать свой город до последнего дыхания.

Обессиленные голодом рабочие ремонтировали боевые корабли, танки и артиллерию, выпускали снаряды, мины и гранаты, ученые создавали новые виды боеприпасов, искали и находили пищевые заменители, медики лечили раненых и больных. Даже зимой 1941/42 гг. не прекращались полностью занятия в школах и вузах, многие ленинградцы переходили на казарменное положение, экономя силы и продлевая тем самым себе жизнь: ведь в коллективе легче переносились трудно-

сти, заглушались навязчивые мысли о еде. Только держась друг друга и помогая друг другу можно было выжить в то страшное время. Только коллективистская психология могла родить такую форму помощи, как бытовые отряды, созданные в феврале 1942 г. по инициативе девушек-комсомолок. Тысячи бойцов таких отрядов приносили часто уже отчаявшимся людям спасение, заготовливали и доставляли им дрова, воду, топили самодельные «буржуйки». Именно высокий моральный дух защитников Ленинграда выявляет в своей книге В.М. Ковальчук.

Конечно же, руководство страны и Ленинграда также несет прямую ответственность за трагедию ленинградцев в годы блокады. Но, как справедливо подчеркивается в книге, было бы неправомерно утверждать, что население осажденного города было брошено на произвол судьбы. Государственный Комитет Оборона и другие директивные органы постоянно искали пути и способы спасения ленинградцев, облегчения их участи. Особое значение имела прокладка через Ладожское озеро автотракторной трассы, истории создания и эксплуатации которой, как уже отмечалось выше, В.М. Ковальчук посвятил специальное исследование. Емкая характеристика роли Ладожской коммуникации в обороне осажденного Ленинграда содержится и в его новой книге.

Огромное значение для населения блокированного Ленинграда имела помощь и поддержка всей страны. Она шла из многих краев и областей России, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и других мест. Приводимые В.М. Ковальчуком многочисленные факты этой помощи напоминают сегодня всем нам о братской солидарности народов СССР в годы войны.

Разумеется, самой эффективной формой помощи населению осажденного Ленинграда и всем его защитникам было его освобождение от вражеской блокады, в которой он оказался с 8 сентября 1941 г. Но прежде чем это произошло в январе 1943 г., было предпринято четыре попытки деблокировать Ленинград, и в своей книге В.М. Ковальчук стремится объективно, не прибегая к легковесным обвинительным суждениям, разобраться в причинах этих неудач. Хотя ответы автора книги, как мне представляется, и не всегда являются полными, нельзя не заметить, что его выводы основаны на анализе документов обеих воюющих группировок, действовавших друг против друга не только под Ленинградом, но и на всем советско-германском фронте. Поэтому в книге не содержится конъюнктурных утверждений, будто И.В. Сталин намеренно затягивал освобождение Ленинграда от блокады. Более того, В.М. Ковальчук показывает, что Верховный главнокомандующий торопил с этим освобождением, не всегда считаясь с возможностями Ленинградского и Волховского фронтов, в особенности осенью 1941 г. Указания Сталина прорвать

блокаду Ленинграда во что бы то ни стало, как видно из книги, оборачивались серьезными неудачами, хотя их анализ, на мой взгляд, мог бы быть более обстоятельным. Более развернутым мог бы быть и содержащийся в книге вывод о том, что основными причинами предпринимавшихся попыток прорыва блокады Ленинграда являлись недостаток сил и средств, а также отсутствие у советских войск опыта в подготовке и проведении крупных наступательных операций. Это позволило бы, как мне представляется, еще рельефнее показать принципиально иной характер победы, одержанной советскими войсками в январе 1943 г. при прорыве блокады Ленинграда и завершившейся его полным освобождением от блокады в январе 1944 г., о чем далее пишет В.М. Ковальчук.

Разумеется, поставленные В.М. Ковальчуком в новой книге вопросы и не могли быть разрешены с исчерпывающей полнотой и не только потому, что это было невозможно сделать в одной книге, но еще и потому, что это не позволяют сделать известные на сегодня источники. К ним, несомненно, относится вопрос о масштабах смертности гражданского населения в блокированном Ленинграде. Как уже отмечалось, В.М. Ковальчук был одним из первых исследователей, кто еще в 60-е годы поставил под сомнение официальную цифру потерь ленинградцев от голодной смерти. К этому вопросу он возвращается и в новой книге, с сожалением констатируя, что в исторической публицистике приводились и продолжают называться часто без всяких доказательств и ссылок на источники самые различные цифры жертв голодной блокады. Сам же автор, опираясь на свои исследования и труды других специалистов, приходит к выводу, что в блокированном Ленинграде от голода, холода, болезней, артиллерийских обстрелов и бомбежек погибло до 750 тыс. ленинградцев. При этом В.М. Ковальчук считает, что приведенная им последняя цифра тоже может быть уточнена, но на сегодня, считает автор, отражает «результат многолетнего анализа главным образом ленинградских историков, занимающихся изучением истории блокады, самых разных документов, в том числе и тех, которые раньше не были доступны исследователям». Добавлю от себя, что и опубликованные в последнее время сверхсекретные спецсообщения УНКВД по Ленинграду дают основание полагать, что даже эта самая могущественная и влиятельная организация не располагала точной информацией о смертности населения блокированного города в период зимы 1941/42 гг. Ясно только одно, что исследователям предстоит дальнейшая кропотливая работа, в процессе которой, возможно, будут обнаружены новые документы, такие, например, как доклад специальной комиссии по определению численности погибших от голода в блокированном Ленинграде, которая была создана по распоряжению А.А. Жданова сразу же после освобождения

Ленинграда от блокады. О самом факте существования такой комиссии известно от видных медиков того времени. К сожалению, ее материалы могли быть уничтожены в результате «ленинградского дела», но следы ее деятельности могли где-то сохраниться: ведь и сегодня не все документы блокадной поры еще рассекречены.

Да, Ленинград удалось отстоять ценой огромных потерь. Как теперь выясняется из опубликованных документов, безвозвратные потери советских войск от первого до последнего дня битвы за Ленинград составили 980 тыс. человек. Но, как убедительно показано в книге В.М. Ковальчука, оборона Ленинграда имела стратегическое и морально-политическое значение в борьбе с гитлеровской Германией, и потому его защищала вся страна, а за проявленные мужество и отвагу в его обороне и освобождении от блокады были награждены орденами и медалями свыше миллиона солдат и офицеров. Звания Героя Советского Союза были удостоены 600 воинов, среди которых были представители многих народов СССР.

Фундаментальный труд В.М. Ковальчука «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944», посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, получил высокую оценку специалистов и общественности, признанием чего стало присуждение ему Литературной премии им. маршала Л.А. Говорова.

Как участник Великой Отечественной войны, В.М. Ковальчук награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и другими наградами, как исследователь истории Великой Отечественной войны и обороны Ленинграда, он удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени и памятной медали Правительства Санкт-Петербурга.

Поздравляя В.М. Ковальчука с юбилеем, мы от всей души желаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов.

Г.Л. Соболев

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда

В.А. Иванов

ПРАВДА, НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ О ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ г. ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД БЛОКАДЫ

Интересно, прав ли был Цицерон, утверждавший, что законы безмолвствуют во время войны? Ведь судя по многим ее формальным признакам, скорее — да! И если война есть зло по определению, о чем напоминал доктор права Ханс-Петер Гассер, советник по правовым вопросам Международного комитета Красного Креста, ссылаясь в свою очередь на решение Нюрнбергского трибунала¹, то логично заключить, что право, не предотвратившее войну, в ее процессе может рассчитывать разве что на сервильное обслуживание машины насилия и сверхпринуждения.

Очевидно, иначе и не могло быть. В контексте этих размышлений всякая война, как бы она не называлась, становилась институтом бесправия, организованным беспощадием, и, как это ни странно, одной из самых закрытых тем — «терра инкогнито». Это становится особенно понятным, когда вновь и вновь обращаешься к истории недавней Великой войны и к таким ее проблемам, как война и закон, преступное в войне, мораль и война и др. Еще один юрист А. Звягинцев, возвращаясь к истории «нюрнбергского эпилога», верно рассуждает о неизбежной ответственности людей и государств за истребительные войны², но, к сожалению, ничего не говорит о подсудности самой войны. А она преступна, мотивирована на истребление и сокрытие содеянного. И у нее оказалось очень много защитников, невольных и вольных. Среди последних вдруг обнаружилось немало тех, кто поклялся профессионально молчать о «правде войны» и бесконечно лгать о ней.

Например, одной из таких «неудобных», с их точки зрения, тем оказалась деятельность военного трибунала г. Ленинграда в период блокады, судебная практика в годы войны вообще и персональная история судебных ошибок. И вот здесь все только начинается! Рассказы о «большой», «малой» правде и в особенности о блокадной юриспруденции еще ждут своих авторов. Один из самых первых таких подходов мы пытаемся

¹ Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение. М., 1995. С. 7, 8.

² Звягинцев А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. М., 2011. С. 11.

сделать уже сейчас, учитывая при этом господствующее в современных архивах повсеместное и слаженно организованное властями «управляемое отчуждение» исследователя от источника и т.п.

Начавшаяся Великая Отечественная война действительно вызвала перестройку судебных органов, потребовала приспособления их устройства к требованиям военного времени. И эта перестройка не была такой идеальной, как ее пытался представить историк советской судебной системы М. Кожевников, утверждавший о неизменности при этом «основных, самых демократических принципов организации и деятельности нашего суда»¹. Первым законодательным актом, как раз поломавшим упомянутые исследователем «демократические принципы», и стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», передав военным структурам все функции органов государственной власти (в том числе и судебной), в первую очередь, в местностях, объявленных на военном положении². По сути, произошло стремительное расширение института военных трибуналов, «удобных» с точки зрения управления чрезвычайных судебных подразделений (с сохранением внутри этих образований прежних составов суда: судебных коллегий, президиума и др.) и резко критикуемых еще в период Гражданской войны и после ее окончания.

В Ленинграде решение о реорганизации городского суда в военный трибунал было принято с учетом уже имеющегося опыта деятельности судебных органов Москвы, где еще 25 октября 1941 г. по постановлению Военного совета Западного фронта гражданские суды приобрели статус военных трибуналов³. В соответствии с решением Военного совета Ленинградского фронта от 4 декабря 1941 г. за №00441 Ленинградский городской суд, который как самостоятельное учреждение был организован всего год назад 1 января 1940 г., преобразовывался в военный трибунал г. Ленинграда. Председателем городского трибунала назначался избранный еще 31 января 1941 г. председателем горсуда опытный судебный работник К.П. Булдаков⁴.

Организационно-штатные мероприятия по военному трибуналу г. Ленинграда были закончены к 10 декабря 1941 г. Территориально

¹ Кожевников М.В. История советского суда 1917–1947 гг. М., 1948. С. 343.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №29.

³ Смирнов В. Судебные органы Москвы в условиях осадного положения // Социалистическая законность. 1942. №1. С. 12.

⁴ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. №9–10. С. 3–5. Количественный состав Ленгорсуда на 1 февраля 1941 г. не превышал 50 чел. Количественный состав народных заседателей городского суда утверждался пятой сессией Ленгорсовета численностью в 250 чел.

трибунал оставался на месте бывшего горсуда, с сохранением прежних судебных коллегий и общего порядка взаимодействия. Военизирование городского суда отразилось и на процедуре обеспечения его снабжения, и на распорядке работы назначенных членов военного трибунала и технического персонала. Члены трибунала были переодеты в военную форму, поставлены на котловое довольствие, приобрели право на получение некоторых видов продуктов, товаров и услуг и др. Перевод их на казарменное положение обеспечивал круглосуточное проведение сессий и оперативное реагирование на внезапно возникающие ситуации и вводные.

Еще до своей военной реорганизации Ленинградский горсуд разрешал, в основном, две крупные задачи. Во-первых, рассматривал наиболее важные категории уголовных и гражданских дел подсудности городского и областного судов по 1-й инстанции. Во-вторых, рассматривал жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов районов по 2-й инстанции. В новых условиях, в соответствии с «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»¹, в подсудность военного трибунала г. Ленинграда были внесены некоторые изменения и дополнения. Они осуществлялись, прежде всего, в интересах установления более четкой системы подсудности дел в сохранявшихся в городе народных судах, военном трибунале войск НКВД Ленинградского округа и военном трибунале Ленфронта.

Уже с первых дней функционирования военного трибунала города, его судебные коллегии приступили к слушанию дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 105, 107, 136, 137, 138, 162 п. «г», «д», «е», 16–59 п. 3, 59–3, Законом от 7 августа 1932 г. и другими статьями УК РСФСР. В основном это были тяжелые преступления: убийства, бандитизм, ограбление, спекуляция, расхищение социалистической собственности, растраты, должностные преступления и пр. В то же время рассматривались и гражданские дела (семейные, жилищные и др.) Хотя процедура разграничения подсудности сыграла в целом позитивную роль в упорядочении работы городского трибунала, его члены неоднократно в период блокады сетовали на некоторые решения военных властей о передаче на их рассмотрение дел, которые могли вполне успешно вести, например, участки районных нарсудов и районные суды.

В сложившихся условиях войны для военного трибунала г. Ленинграда надзорными инстанциями одновременно выступали Верховный суд РСФСР и военный трибунал Ленфронта. Это вызывалось необходи-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №29.

мостью, при отсутствии права кассационного пересмотра дел по приговорам городского трибунала, быстро реагировать в судебном же порядке на каждый случай необоснованного и ошибочного приговора, немедленно по вынесении вступающего в законную силу. Таким образом власти пытались не допускать случаи вынесения трибуналом несправедливых приговоров и их исполнения. Особенно опасными были судебные ошибки, в результате которых осужденные граждане могли быть расстреляны или скончаться в местах лишения свободы. Как показали наши исследования, на протяжении всего блокадного периода упомянутые выше надзорные инстанции периодически прекращали некоторые дела, по которым городской трибунал выносил смертные приговоры.

Блокада, как и война в целом, внесла существенные коррективы в состояние криминогенной обстановки в городе. Изменились структура преступности, лицо уголовных преступников, а также методы совершения преступлений. Более того, чрезвычайные обстоятельства, в которых оказался Ленинград, стали главной причиной возникновения отдельных видов и условием роста общего числа преступных деяний, которые оказались особенно заметны с начала 1942 г. На общую тенденцию роста преступности в этот период и в других регионах РСФСР неоднократно обращало внимание большинство отечественных криминологов¹. Все эти и другие особенности не могли не учитывать в своей деятельности военный трибунал г. Ленинграда, каждый из его членов и технических работников.

Прежде всего предстояло выработать единые подходы к осуществлению уголовной репрессии по отношению к таким тяжелым видам преступных деяний в ходе войны, как дезертирство, бандитизм и разбой, кражи из квартир эвакуированных и призванных в РККА, людоедство и трупоедство и др. Хотя процессуальные условия деятельности военного трибунала г. Ленинграда обеспечивали быстрое применение уголовной репрессии по делам о наиболее опасных преступлениях, в то же время не потерял своей актуальности вопрос о строжайшем соблюдении его составом процессуальных правил судопроизводства, всесторонний учет всех обстоятельств дела и т.п. Председатель военного трибунала г. Ленинграда К.П. Булдаков напоминал в первый блокадный год членам трибунала, что в части определения меры наказания имеет значение для его вынесения, прежде всего, характер преступле-

¹ *Лунев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 59; *Емелин С.М.* Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История государства и права. 2000. №17. С. 38; *Боев В.И.* Война и уголовный закон / В.И. Боев, М.А. Кочубей, А.П. Новиков. М., 2009. С. 137.

ния, их распространенность и состав осужденных. «Нет единообразия в определении наказания, что можно было учитывать, — констатировал он, — не анализируем мы еще прошлую работу... Нет индивидуализации наказания по степени вины осужденных»¹. Понадобились немалые усилия руководства военного трибунала, его партийной организации, чтобы выработать в целом такой единый подход и общие принципы судебской работы в условиях блокады.

Одним из опаснейших видов преступления в местности, объявленной на военном положении, было дезертирство и уклонение военнообязанных от воинского учета. И хотя эти преступные деяния по подсудности относились к военным трибуналам Ленинградского фронта и войск НКВД Ленинградского округа, военному трибуналу г. Ленинграда уже с первых дней войны пришлось столкнуться с судебным разбирательством дел, в которых фигурировали лица, пособничающие уклонению от призыва по мобилизации (управдомы, коменданты, дворники и др.) отдельных граждан, а также те, кто укрывал дезертиров или совершал вместе с ними преступления и т.п.² Так, за один месяц, с 16 августа 1941 г., в Ленинграде было задержано почти 8 тыс. дезертиров³. На самом Ленинградском фронте с июля по октябрь 1941 г., по некоторым данным, только заградительными отрядами было арестовано 1044 дезертира, из которых 854 чел. были расстреляны, 430 чел. из них — перед строем⁴. По другим сведениям, за пять месяцев войны особые органы НКВД Ленфронта и их подразделения задержали свыше 87 тыс. солдат и офицеров, покинувших передовые позиции. Более 1,5 тыс. из них были во внесудебном порядке расстреляны⁵. Всего же за годы войны заградслужбы Особых отделов НКВД и КРО «СМЕРШ» Ленфронта задержали

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

² Только с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. по вопросам организации борьбы с дезертирством в Ленинграде и области действовали следующие нормативные правовые акты: приказ НКВД СССР №001613 от 21.11.1941 г.; циркуляр НКВД СССР №283 от 6.12.1941 г.; приказ НКВД СССР №001713 от 25.12.1941 г.; приказ НКО СССР №0514 от 27.12.1941 г.; приказ начальника УНКВД СССР по Ленинградской области №0019 от 14.01.1942 г.; постановление ГКО от 16.01.1942 г. №1159с.; приказ НКВД СССР №00167 от 24.01.1942 г. и приказ начальника УНКВД СССР по Ленинградской области №0049 от 2.02.1942 г.

³ Ломагин Н.А. Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941–1942 гг. // Ленинградская эпопея. Организация обороны и населения города. СПб., 1995. С. 213.

⁴ Плеханов А.М. Оперативные заслоны Особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в первые месяцы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Великий Новгород, 2001. С. 54.

⁵ ОРАФ УФСБ РФ по Омской области. Колл. док. Арх. №146/5. Л. 165.

свыше 203 тыс. дезертиров, арестовав более 21,5 тыс. военнослужащих, из которых впоследствии 8118 чел. были расстреляны¹.

Как справедливо замечал Б.П. Белозеров, значение борьбы с дезертирами в обстановке блокады становилось особенно понятным, если учесть, что они порой создавали крупные бандитские формирования и совершали опасные групповые преступления в Ленинграде². Особую тревогу у правоохранительных органов вызывал рост бандитизма и разбойных нападений в блокированном городе. Только подразделениями городской милиции с начала войны и до конца сентября 1942 г. за эти виды преступлений было арестовано и предано суду 940 чел.³ Всего же за 1942 г. все подразделения УНКВД СССР по Ленобласти в городе зафиксировали 904 бандитских проявления, 125 разбойных нападений с убийством и 365 разбойных нападений⁴. По данным военной прокуратуры Ленинграда, с июля 1941 г. по август 1943 г. военный трибунал города осудил 2104 чел. за бандитизм, приговорив 435 чел. (20,5%) к расстрелу⁵. Высоким оставался в этот период и уровень умышленных убийств. По одним сведениям, в 1942 г. их было совершено 435⁶, по другим — 587⁷. По информации УНКВД СССР по Ленобласти за 14 месяцев войны в Ленинграде за бытовые убийства было всего осуждено 206 чел.⁸

Столь большая разница в приведенных данных объяснялась тем, что эти сведения относились исключительно к подразделениям ленинградской милиции, а не ко всем органам НКВД. В числе арестованных немало было и тех, кто дезертировал с фронта или уклонился от призыва в РККА.

По мере усиления голода и учащающихся перебоев в жизнеобеспечении города увеличивались преступления, ранее встречающиеся исключительно редко, — ограбление квартир мобилизованных и эвакуи-

¹ Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 1920–1940-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 248.

² Белозеров Б.П. Фронт и тыл: проблемы безопасности 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ на материалах органов правопорядка Северо-Запада): Монография. СПб., 1999. С. 191. Рост проявлений бандитизма был характерен и в период советско-финляндской войны. Так, за весь 1940 г. Ленинградский горсуд осудил за этот вид преступлений 95 чел., из которых 26 чел. приговорил к ВМН (См.: ЛОГАВ. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.).

³ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 442.

⁴ Блокада рассекреченная: сборник. СПб., 1995. С. 117.

⁵ Ленинград в осаде... С. 457.

⁶ Блокада рассекреченная... С. 116.

⁷ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 76.

⁸ Ленинград в осаде... С. 442.

рованных, вооруженные нападения на пункты раздачи хлеба и других продуктов, массовые хищения, людоедство и трупоедство и др. Часть этих «новых» составов преступлений, по подсудности, перешла к военному трибуналу г. Ленинграда, другие, как «особый вид преступности»: людоедство и трупоедство, квалифицируемый ст. 19–59 п. 3 УК РСФСР, рассматривались в военных трибуналах войск НКВД и Ленфронта. Например, с октября 1941 г. по январь 1943 г. в блокадном городе было арестовано 1979 чел. с обвинением по этой статье, из которых 482 чел. не дожили до окончания процесса, 20 чел. были освобождены от ответственности за невменяемостью, 7 чел. «выведены» из процесса по оперативным соображениям. К высшей мере наказания — расстрелу — было приговорено 569 чел., а 902 чел. осуждены к различным срокам заключения в ИТЛ и условно¹.

Ограбления пустующих квартир мобилизованных и эвакуированных, дела по которым рассматривались в военном трибунале г. Ленинграда, были также спровоцированы чрезвычайными условиями блокады. Распад, по разным причинам, стихийно организованных жильцами осенью 1941 г. в городе большинства «групп самозащиты жилых домов» от воров и мародеров к январю 1942 г.² обернулся массовыми разграблениями квартир. Так, если с июня по декабрь 1941 г. включительно было задержано и осуждено 159 «громил», то за январь — июнь 1942 г. — уже 1118 чел.³ Лишь к марту 1942 г. в городе была вновь восстановлена 1741 группа самозащиты, что было явно недостаточно для охраны личной собственности граждан. Всего за годы войны органами милиции Ленинграда и Отдела по борьбе с бандитизмом было возбуждено почти 103,5 тыс. следственных дел, по которым за кражи было осуждено 49,8 тыс. чел. (из 87,3 тыс. привлеченных к уголовной ответственности)⁴. Практически все квартиры мобилизованных и эвакуированных были вскрыты посторонними лицами и разграблены полностью или частично.

Как уже подчеркивалось выше, военный трибунал г. Ленинграда стал одним из ключевых судебных учреждений блокированного

¹ Иванов В.А. Указ. соч. С. 269–274, 448–450.

² ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 53. Л. 41.

³ Белозеров Б.П. Указ. соч. С. 196.

⁴ Янгол Н.Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность: Монография. СПб., 2000. С. 240. С весны 1943 г. в военном трибунале г. Ленинграда стал наблюдаться рост дел по лицам, самовольно занявшим жилую площадь, а с лета 1944 г. многие члены Ленгорсуда уже говорили «о лавине жилищных дел». Постановление НКЮ СССР № Д-31 от 5 июля 1943 г. «О порядке административного выселения лиц, самоуправно занявших жилую площадь» пыталось регулировать сложившиеся отношения в этой сфере (См.: ЛОГАВ. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 27. Л. 28.).

города, призванных всемерно способствовать решению сложнейших задач в области укрепления обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в этот период. В этих целях, уже в начальный период войны были проведены необходимые организационно-штатные мероприятия, определены дополнительные задачи и осуществлены некоторые согласования и т.п. Помимо общего военно-политического руководства (Военный совет Ленфронта, ГК ВКП(б)), военный трибунал г. Ленинграда одновременно выполнял непосредственные указания Военного Трибунала Ленфронта, Верховного суда РСФСР и Управления НКЮ РСФСР при Ленинградском городском Совете депутатов трудящихся.

Однако несмотря на столь серьезное партийно-государственное «сопровождение», у военного трибунала города весь блокадный период не уменьшалось количество «внутренних» проблем, существенным образом осложняющих его деятельность и снижающих эффективность работы его членов. Война вообще и блокада в частности вскрыли многие пороки судейского сообщества, обнажили скрываемые ранее его руководством противоречия, «зоны конфликтов» и другие проблемы, о которых не принято было говорить до войны, во время блокады, да и в последующие годы. Мы и сегодня немного знаем о военном периоде в истории Ленинградского горсуда, о его действительном участии в реализации сталинской репрессивной политики, а также о судьбах его многочисленных членов и др.

О месте судебных органов Ленинграда в условиях начавшейся войны впервые публично заявил начальник Управления НКЮ РСФСР при Исполкоме Ленгорсовета И.А. Рыхлов в одной из статей центрального журнала «Социалистическая законность»¹. Выдержанная в режиме патриотической риторики, заметка на редкость оказалась формальной и абсолютно беспредметной. Далеко не массовый читатель (журнал был редкостью и для судейских работников) ничего не получил от знакомства с ее содержанием. Призывами к записи в добровольцы и усилению бдительности в первые дни войны и так изобиловали массовые издания. Другое дело, что, воспользовавшись ситуацией, например, будущий член военного трибунала г. Ленинграда М.В. Васильева призвала своих товарищей 26 июля 1941 г. к участию в тщательной проверке всех сотрудников этого судебного органа, упоминая о некоем Васильеве, который «оказывается, был бывшим офицером, его жена — дочь попа, а двое ее братьев были расстреляны»². Она просила руководство «проверить

¹ Рыхлов И. Судебные органы города Ленинграда в первые дни войны // Социалистическая законность. 1941. №1–2. С. 20–21.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11 об.

и личность Максимова...» Ее коллега, член Ленгорсуда И.В. Шевлякова, пошла еще дальше, призвав в этот же день «строго проверить факт: а кто выдвигал в штаб (подразделение противохимической обороны здания Ленгорсуда. — В.И.) этих тов. Васильева и Максимова?»¹.

О низкой эффективности работы Рыхлова и руководимого им Управления не раз публично говорил председатель Исполкома Ленгорсовета П.С. Попков, по поводу чего Рыхлов утверждал, что причиной всему были «вечные придирки и недовольства ко всем самого Попкова». Полный «разнос» ведомство Рыхлова получило в начале мая 1942 г. после предметной проверки его деятельности в условиях блокады и принятия Исполкомом Ленгорсовета решения №66, п. 3з «О работе народных судов г. Ленинграда»². Несмотря на объективную критическую оценку состояния дел в Управлении НКЮ РСФСР по г. Ленинграду, в его аппарате по-прежнему утверждали, что «мы стали работать лучше...»³ Сам же Рыхлов искал поддержки у своего давнего заступника — наркома юстиции СССР К.П. Горшенина, прося его прислать соответствующую комиссию для урегулирования сложившейся ситуации. Итоги проведенной осенью 1942 г. проверки были обобщены приказом по НКЮ РСФСР №60 «О работе народных судов и Управления НКЮ г. Ленинграда» от 13 октября 1942 г., в котором совершенно неожиданно для руководства города работа Ленинградского управления НКЮ была признана «одной из лучших в РСФСР»⁴. Правда, накануне появления данного приказа Рыхлов вылетал в Москву, пробыв там несколько дней и оправдываясь впоследствии, что он дескать «выбивал в наркомате денежные премии и награды судебным работникам».

Как в Управлении НКЮ РСФСР при Исполкоме Ленгорсовета, так и в Ленгорсуде, а впоследствии и в военном трибунале г. Ленинграда острых проблем было хоть отбавляй. Несмотря на принимаемые меры, весь блокадный период в судебной деятельности военного трибунала отмечались, например, многочисленные факты поверхностного проведения судебного следствия и досудебной подготовки дел, недостаточная проверка материалов предварительного следствия, а также небрежное оформление протоколов судебных заседаний и приговоров⁵. Руководство военного трибунала города неоднократно указывало всем членам суда на крайне небрежное в юридическом и стилистическом плане составление приговоров, несвоевременное оформление секретарями рас-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 1а. Л. 12.

² Бюллетень Ленинградского городского Совета... 1942. №15. 16 августа. С. 7–9.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 7.

смотренных в судебном заседании дел и др.¹. В мае 1942 г. некоторые члены военного трибунала пытались взвалить ответственность за нерешенные проблемы на обычных судебных секретарей, громогласно заявляя о их якобы полной непригодности, хотя многие из них работали и до войны и не имели никаких замечаний². Да и после снятия блокады, уже в марте 1944 г., характеризуя деятельность 24 технических сотрудников (секретарей судебных заседаний), руководство отмечало их заметный вклад в «напряженную работу городского суда»³. В частности, в положительном ключе упоминались секретарь Крылова, которая одна с 1 января по 15 марта 1944 г. составила 220 протоколов судебных заседаний, а также ее коллеги — Петрова, Моторина и многие другие.

Разумеется, дело было не в секретарях или сжатых сроках рассмотрения дел, а в профессионализме судебных работников, уровне их юридической подготовки и опыте работы. Так, только в 1942 г. военный трибунал Ленфронта как надзорная инстанция несколько раз предупреждал военный трибунал города о недопустимости приема и рассмотрения дел, недостаточно расследованных органами предварительного следствия, а также поверхностного их исследования в судебных заседаниях и др. Следуя своим указаниям, военный трибунал Ленфронта в течение года отменил приговоры трибунала города с передачей дел на новое расследование: со стадии предварительного следствия в отношении 46 чел.; со стадии предания суду в предварительном заседании в отношении 9 чел. и со стадии судебного следствия в отношении 74 чел.⁴.

Считалось серьезным недостатком в работе членов военного трибунала, когда ошибки предварительного следствия в юридической квалификации преступлений обвиняемых исправлялись не в подготовительном заседании, а в ходе судебного слушания довольно часто в перепалках между участниками процесса, «на глазах» у подсудимых и охраны. Так, только за первое полугодие 1943 г. на подготовительные заседания падало лишь 25% случаев такой переквалификации, но зато на судебные заседания — 75%⁵. К тому же по некоторым делам члены трибунала признавали виновным подсудимого почему-то только по одному из нескольких пунктов предъявленного ему обвинения, не утруждая себя приведением в приговоре тех доводов, которыми суд руководствовался, по существу отвергая остальные пункты обвинения.

¹ЦГАИПД СПб. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

²Там же. Д. 4. Л. 5.

³Там же. Д. 17. Л. 11.

⁴Там же. Д. 9. Л. 11.

⁵Там же. Л. 11.

При таком подходе к процессу не трудно было нажать себе недоброжелателей, критиков и недовольства со стороны органов следствия, дознания и прокуратуры. Соответствующие оценки подобного рода недостаткам давались и самим руководством военного трибунала г. Ленинграда. Следует заметить, что служебный, профессиональный и личный авторитет председателя трибунала Константина Павловича Булдакова был действительно высоким как среди его подчиненных, так и среди руководителей многих городских служб. Во многом благодаря его авторитету в годы блокады «снимались» и благополучно разрешались отдельные конфликтные ситуации и претензии. Позже, в начале 1950-х гг., с подачи партийных «моралистов» из ГК ВКП(б) его пытались дискредитировать «по семейным делам», но члены Ленгорсуда, по сути, встали на защиту уважаемого ими руководителя и на время отстояли его. Отмечая, например, общий итог работы трибунала с декабря 1941 г. по апрель 1942 г., когда его судебными коллегиями было рассмотрено около 1200 дел, главным образом по ст.ст. 16–59 п. 3 (бандитизм, вооруженное ограбление и др.), 107 (спекуляция) и Закону от 7 августа 1932 г., он предупреждал членов суда о недопустимости вынесения либеральных приговоров бандитам, убийцам и грабителям, которые имели место в деятельности трибунала в этот период¹. Только за 1942 г. военный трибунал Ленфронта отменил оправдательные приговоры трибунала города в отношении 11 чел.² Как считалось, горсуд, ставший теперь городским трибуналом, «славился» и в довоенный период своим либерализмом, в чем его периодически упрекало центральное руководство³.

Такой упрек в адрес военного трибунала г. Ленинграда вряд ли был объективен, так как надзорные инстанции (военный трибунал Ленфронта и Верховный суд РСФСР) многократно в своих представлениях указывали городскому трибуналу на вынесение им приговоров «с чрезмерно суровым наказанием, не соответствующим содеянному»⁴. Тот же

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 4. Л. 7. В сентябре 1943 г., например, была изучена работа военного трибунала г. Ленинграда за период с января 1942 г. по август 1943 г. по делам Закона от 7 августа 1932 г. Размах преступлений, связанных с хищением денежных средств, злоупотреблений с продкарточками, хищениями продуктов питания в столовых, торговой сети, со складов, баз и хлебозаводов был настолько масштабным, что увеличением обычных репрессивных мер проблему нельзя было разрешить. Как отмечал К.П. Булдаков, преступников не смущали даже приличные сроки наказания (См.: ЛОГАВ. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 31. Л. 31–36).

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

³ Хайтлин З. Социалистическое соревнование судебных работников Ленинграда // Советская юстиция. 1941. №23. С. 20.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 7; Д. 9. Л. 11, 33, 40, 46, 50.

военный трибунал Ленфронта только за 1942 г. снизил наказание без переквалификации преступления 202 осужденным трибуналом города и переквалифицировал преступления 77 осужденным, указав при этом, что «осужденным назначаются чрезмерно суровые меры наказания без учета данных о личности подсудимого и обстоятельств, а также неправомерной квалификации преступлений»¹.

В представлении военного трибунала Ленфронта приводились подкрепляющие эти заключения примеры. Так, 16 января 1943 г. граждане Алексеев и Бондаренко убили гражданку Кузнецову и ее 7-летнего сына у нее в квартире. В этой же квартире проживал и Алексеев. Он написал записку своей жене, в которой сообщил, что убийство Кузнецовой и ее сына было совершено им совместно с Бондаренко. Оба были арестованы и осуждены по ст. 16–59 п. 3 УК РСФСР (разбойное нападение). Трибунал не принял в расчет тот факт, что Бондаренко в тот день в квартире Кузнецовой не был, находился у родственников и на рынке, что удалось установить уже в ходе доследования дела. В другом случае гражданка Назарова убила свою 4-летнюю дочь, а труп сожгла в печи с целью завладения продкарточками. Кассационной инстанцией было установлено, что труп был сожжен уже после естественной смерти ребенка. Поэтому Назарова по ст. 16–59 п. 3 УК РСФСР была оправдана, а осуждена по ст. 139 ч.2 УК РСФСР². По уголовному делу №11205 была осуждена Паровицкая по ст. 5 ч.2 Указа от 26 июня 1940 г. и ст. 162 п. «г» УК РСФСР за хищение вещей у гражданки Бобкиной сроком на 2 года лишения свободы. Кассационная инстанция учла, что у осужденной было двое малолетних детей, а муж находился на фронте, снизив ей меру наказания на исправительно-трудовые работы.

Между тем в осуществлении уголовной репрессии и кассационной практике самого военного трибунала Ленинградского фронта нередко можно было наблюдать явные отступления от общепринятых судебных принципов и необъяснимые, с точки зрения формальной логики, решения, приговоры и т.п.

Так, например, коллегия военного трибунала г. Ленинграда осудила гражданку Тихомирову по Закону от 7 августа 1932 г. за систематические хищения нескольких десятков метров ткани с военного склада. Однако трибунал Ленфронта переквалифицировал ее действия на ст. 162 п. «д» УК РСФСР, заметно снизив ей меру наказания. Другая гражданка похитила со склада 24 банки сгущенного молока и была осуждена городским трибуналом по ст. 162 п. «д» УК РСФСР. Но военный трибунал Ленфронта

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

² Там же. Л. 40, 41.

отменил его определение и предложил осудить Поликарпову по Закону от 7 августа 1932 г., что и было сделано. Вскоре Верховный суд РСФСР, исследующий это дело, отменил приговор городского трибунала и действия Поликарповой переqualificировал по ст. 162 п. «д» УК РСФСР. Чем руководствовался трибунал Ленфронта, оставалось большой загадкой.

Неясно было и другое. Почему, к примеру, военный трибунал Ленфронта по одной категории дел имел различную практику? Городской трибунал не привлек к уголовной ответственности одного портного по ст. 107 УК (спекуляция), который за выполненную им работу получал продукты и впоследствии продавал их по спекулятивным ценам. Трибунал Ленфронта отменил этот приговор, найдя в действиях портного состав преступления по ст. 107 УК РСФСР. В то же время в деле прачки Хомяковой, которая получала продукты за выполненную ею работу и продавала их по спекулятивным ценам, военный трибунал Ленфронта не нашел состава преступления по ст. 107 УК РСФСР, как это сделал городской трибунал, разясняя при этом, что она дескать продавала продукты, полученные за работу. Невольно напрашивался вопрос: так в чем же разница между этими двумя делами?

Необъяснимыми были и некоторые другие постановления трибунала Ленфронта. Одно из них, в частности, касалось дела по обвинению некоего гражданина Брейтша. Городской трибунал осудил его по ст. 19–107 УК РСФСР. У него при обыске было обнаружено большое количество остродефицитных по тем временам продуктов: крупы — 67 кг, овса — 20 кг, сахара — 10 кг, варенье, мясные консервы, сухари, галеты и много других продовольственных изделий. Судебная коллегия городского трибунала при вынесении приговора руководствовалась разяснениями Верховного суда РСФСР по такого рода делам, в которых указывалось, что если у подсудимого имелись большие запасы продуктов питания, превышающие норму потребления, то его необходимо было судить по ст. 19–107 УК РСФСР. Коллегия согласилась с доводами прокурора о том, что у Брейтша было такое количество продуктов, которых хватило бы ему на несколько лет питания с учетом выдачи-продажи продуктов по карточкам (блокадного периода) на день осуждения. Однако военный трибунал Ленфронта это дело отменил, не дав никаких объяснений. При такой практике трибунала фронта правы были члены военного трибунала г. Ленинграда, которые еще в начале 1942 г. предлагали ввести в повседневную работу совместные совещания работников всех трибуналов, в том числе и Ленфронта, а также представителя Верховного суда РСФСР в Ленинграде¹.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

Член военного трибунала г. Ленинграда, председатель уголовно-кассационной коллегии А.Е. Миликин, в связи с этим и подобными делами считал, что всем судьям следовало бы учитывать блокадные реалии. Было нормой, утверждал этот судья, что некоторые граждане в блокадный период накапливали продукты и вовсе не собирались ими спекулировать. Поэтому судить их за одни запасы было незаконно, считал он. Тем более, заключал Аркадий Ефимович, «нельзя судить при наличии противоречивых показаний, если нет других доказательств. В таких случаях необходимо оправдывать»¹.

В каком-то смысле А.Е. Миликин был прав. Ведь в самую суровую блокадную зиму 1941–1942 гг. отдельные члены военного трибунала г. Ленинграда сами занимались обменом продуктов, или, как тогда говорили, «маклячеством», своевременно не сдавали в домохозяйство продкарточки на умерших или эвакуированных родственников, накапливали продукты и т.п. Такие факты были известны руководству, но никто из судей за это не был осужден или отстранен от исполнения своих обязанностей.

Первым, кого в мае 1942 г. публично обвинили в «маклячестве», был член военного трибунала г. Ленинграда, секретарь его партийного бюро И.Ф. Туманов. Председателю трибунала К.П. Булдакову доложили, что его подчиненный ходит по городским толкучкам и обменивает полученный табак и папиросы на хлеб². Припомнили ему и декабрьский 1941 г. эпизод с обменом 100 гр. водки на 200 гр. хлеба в столовой, к которой были прикреплены сотрудники городского трибунала. Заместитель председателя городского трибунала М.А. Ронин упрекал Туманова в том, что тот был «наибольшим организатором всех разговоров о еде»³. В.Г. Подолякин, который пытался защитить Ивана Федоровича, заявлял, что многие члены суда сами обращались к некурящему коллеге с просьбой обменять папиросы на хлеб. Но он также был удивлен поведением члена трибунала Туманова. Подолякин говорил, что тот «имеющуюся у Туманова водку размеривал буквально мензурками». Г.М. Крутов, член трибунала, вообще предупреждал, что практика «маклячества» развивает нездоровый аппетит и со временем перерастает в спекуляцию, а вот за это советский закон жестоко карает.

В процессе разборок этих «табачно-хлебных обменов» всплыли и другие факты, характеризующие некоторых членов городского трибунала как деляг, индивидуалистов и преступающих закон приспособленцев и обывателей. Выяснилось, например, что член трибунала

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

² Там же. Д. 4. Л. 8.

³ Там же. Л. 11.

Е.З. Степанова получала почти две недели после смерти своей свекрови на ее хлебные и продовольственные карточки продукты, не сообщив об этом в соответствующие службы. М.В. Петрушина, по заявлению которой в июне 1942 г., собственно говоря, и началась служебная проверка «карточных махинаций» Степановой, вскоре сама давала объяснения по поводу обмена папирос на хлеб, а член трибунала В.М. Петрова, как выяснилось, за эти же действия неоднократно задерживалась на городских рынках зимой 1941–1942 гг. Члену трибунала в начале января 1943 г. пришлось рассказывать руководству трибунала, как она была втянута М.В. Петрушиной в обменные процедуры и как купила себе за хлеб шерстяной шарф, полотенце и сервиз. Определенные руководством военного трибунала г. Ленинграда небольшие группы для служебной проверки этих и подобных им фактов были малоэффективны и восстановить подлинные картины «маклячества» его членов так и не смогли. К тому же еще летом 1942 г. на одном из совещаний К.П. Булдаков пояснил, что «продкарточки после смерти близкого родственника сдавать не обязательно»¹.

Преимущественно женский коллектив военного трибунала г. Ленинграда так и не избежал проявления в своей среде таких антиподов делового сотрудничества, как сплетен, склок и доноительства. Возможно, на них не обратили бы внимания (а подобные эпизоды встречались и в довоенный период), если бы отдельные корпоративные истории в несколько искаженном виде не стали достоянием районного и городского комитетов ВКП(б). Кстати, сам К.П. Булдаков неоднократно призывал коллег «не шептаться по углам», а выносить проблемные вопросы на партийный суд. Однако та же М.В. Петрушина рассказывала в ГК ВКП(б) как ее якобы травят сторонники Е.З. Степановой за ее «принципиальную, бойцовскую позицию». Член трибунала Юлия Ивановна Мисаренко, напротив, считала, что именно М.В. Петрушина и М.В. Васильева создавали ненормальную обстановку в трибунале, «старались каждому подобрать какие-то порочащие факты»². Член трибунала А.Н. Геласимова

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 22. Внезапной проверкой прокуратурой города остатков продовольственных и промтоварных карточек в Центральной кассе г. Ленинграда в июле 1942 г. был вскрыт остаток почти 159 тыс. июньских и свыше 148 тыс. июльских карточек (См.: ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 3. Д. 31. Л. 138). Не случайно, решением Исполкома Ленгорсовета от 4 марта 1943 г. (№86, п. 2з) «О злоупотреблениях с продовольственными карточками и нарушениях правил их выдачи» ставилась задача И.А. Рыхлову провести в городе показательный судебный процесс по такого рода делу, персонально упомянув Смольнинскую контору связи и счетную контору №21 Жилуправления Ленинского района (См.: Бюллетень Ленинградского городского Совета... 1943, №5–6. С. 6–7).

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 3 об.

утверждала в начале 1943 г., что, придя в военный трибунал, она попала в тяжелую атмосферу и что именно М.В. Васильева, секретарь партбюро трибунала, была организатором многих склок. И.В. Шевлякова, член трибунала, ранее не замеченная в подобных делах, неожиданно в 1943 г. сообщила руководству трибунала, что еще в 1929 г. ее нынешний сотрудник П.К. Гуралова жила в отдельном доме на окраине Ленинграда и имела с мужем хозяйство из пяти коров, а в анкетах дескать об этом никогда не указывала.

Присутствующая в начале 1943 г. на одном из партийных собраний трибунала представитель Куйбышевского РК ВКП(б) Богданова говорила, что «у райкома партии такое мнение, что в военном трибунале больше нечего делать, как заниматься склоками»¹. В адрес Е.З. Степановой «за глаза» говорили о том, что она приговаривает к расстрелу людей за то, что совершила сама, и не сложила с себя полномочий судьи. О М.В. Петрушиной в трибунале нелестно отзывались, с разными оттенками пересказывая обстоятельства сдачи ею лично в органы НКВД своего сына и персональное обвинение его по ст.ст. 162 п. «в» и 19–136 УК РСФСР².

И все же подавляющее большинство членов военного трибунала г. Ленинграда самоотверженно трудилось, преодолевая огромные трудности и испытывая каждодневные лишения. Особенно неустроенными были рабочие места членов различных судебных коллегий, их быт, питание, лечение и т.п. Перевод членов военного трибунала на казарменное положение иногда целыми семьями и размещение их в здании, где находился сам трибунал, сверхнормированное уплотнение, въезд в помещения бывшего горсуда сторонних организаций, усложняли и без того непростые военные будни сотрудников трибунала. Весь период войны они работали без выходных, изредка попадая в стационар для физически ослабленных и заболевших.

Руководство городского трибунала всячески пыталось улучшить условия деятельности и жизни своих членов. Но, как это всегда бывает, решать такие задачи в одиночку никому не было под силу, особенно в обстановке блокады и острейшего дефицита во всем. Чрезвычайно трудными оказались зимы 1941–1942 гг. и 1942–1943 гг. Анализируя

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 9. Л. 3. Чаще всего порочащая судебного работника информация поступала руководству учреждения не «с низов», а из РК и ГК ВКП(б). Так, к примеру, в ГК ВКП(б) в 1942 г. не утвердили партийно-служебную характеристику на ревизора по нотариату Управления НКЮ РСФСР при Исполкоме Ленгорсовета А.Г. Николаевскую, которая якобы продавала в блокадную зиму хлеб из своего пайка по спекулятивным ценам (См.: Там же. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 21. Л. 3).

² Там же. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

зафиксированные в протоколах партийных собраний выступления коммунистов — членов трибунала в эти годы, можно составить самое общее представление об условиях, в которых функционировало это учреждение. Темы многих выступлений коммунистов неоднократно повторялись, иногда озвученная проблема как бы не была услышана руководством трибунала, другие речи, напротив, звучали рефреном, например, об организации культпохода в театр или кино и т.п.

Например, в ноябре 1942 г., уже имея опыт выживания в первой блокадной зиме и обсуждая вопрос о подготовке к очередной «зимовке», сотрудники городского трибунала объективно вскрыли степень этой готовности. Многие говорили о том, что наступила зима, а им еще не выдано зимнего обмундирования; дополнительно выложенные печи дымят и неправильно установлены; на рабочих местах нет керосиновых ламп и керосина; сотрудники сидят с лампадами и лучинами; никто не прикреплен ни к одной из городских бань; в самом здании трибунала нет умывальников, свирепствует лютый холод, везде темнота, дым и грязь; многие стекла выбиты; в столовой, к которой прикреплены работники трибунала, откровенно воруют пищу; тем сотрудникам, которые проживали в своих уцелевших квартирах, дрова подвозили не во дворы, а на площади, иногда очень далеко от дома и откуда они постепенно растаскивались другими блокадниками; в самом здании трибунала заготовленные сотрудниками дрова прятались в рабочих кабинетах от систематического их расхищения; внешний вид многих членов трибунала был крайне неопрятным, одежда и обувь не ремонтировались; полностью отсутствовали телефоны, не было комнат отдыха для дежурных, отсутствовали кипятик, газеты и многое другое.

Можно лишь предположить, в каком морально-психологическом состоянии находились все члены военного трибунала г. Ленинграда, подвергавшиеся все эти годы смертельной опасности в ходе авианалетов и артобстрелов противника. И это еще притом, что за всеми членами трибунала были закреплены участки народных судов в разных районах города, которым нужно было помогать и консультировать их¹. Было немало и других проблем служебного характера. Уже позже, после того как были сняты со своих постов бывшие и действующие руководители Ленинграда А.А. Кузнецов, П.С. Попков и другие, К.П. Булдаков, не рас-

¹ На 1 августа 1942 г. в Ленинграде насчитывалось 45 судебных участков. В ходе осенней 1942 г. проверки их работы комиссия НКЮ РСФСР отметила, что «при значительном поступлении дел, народные суды, несмотря на сложные условия работы, рассмотрели 79% дел в сроки до 5 дней и довели остатки не рассмотренных дел до 16,1% среднемесячного поступления» (См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 2243. Оп. 1. Д. 12. Л. 24).

пространяясь обо всех деталях, в кругу своих коллег рассказывал, что за все время войны ни один из них ни разу не побывал и не пообщался с коллективом городского трибунала или живо откликнулся на его проблемы и т.п.¹ Константин Павлович уточнил при этом, что руководители города были недостижимы даже для него. Единственное, чего не рассказал бывший председатель военного трибунала, так это о том, какие личные указания местных партийных вождей ему пришлось выполнять, особенно осенью 1941 — весной 1942 г., и что случилось, например, со многими судебными делами трибунала 1942 г.

Скорее всего, он не сказал всего этого потому, что знал еще об одной «малой» правде блокады, без которой, как это становится понятным сегодня, не было бы и «большой» правды о Великой Отечественной.

¹По постановлению Военного совета Ленфронта от 22 января 1944 г. за №008852 «О развоенизировании Военного Трибунала г. Ленинграда», военный трибунал города был вновь переименован в Ленинградский горсуд.

В.И. Мусаев

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Советский Союз и Финляндия находились в состоянии войны с 25 июня 1941 г. до начала осени 1944 г. Не будучи связанной формальным союзным договором с нацистской Германией, Финляндия фактически воевала на ее стороне и участвовала в агрессии против СССР, оккупировав значительную часть Советской Карелии и приняв участие в блокаде Ленинграда. Еще со второй половины 1943 г., когда стало отчетливо ясно, что ход войны складывается не в пользу Германии и ее союзников, правящие круги Финляндии занялись поиском путей выхода из войны. Зондаж велся через нейтральную Швецию, поддерживавшую дипломатические отношения с обеими воюющими сторонами. Достичь какого-либо соглашения тогда не удалось, так как финны исходили из стремления добиться признания советской стороной старой советско-финляндской границы (1920–1939 гг.), что для Москвы было категорически неприемлемо. Действия в направлении поиска мирного решения финскому руководству пришлось резко активизировать летом 1944 г., когда в результате массированного советского контрнаступления на Карельском перешейке и в Олонецкой Карелии, финские войска были вынуждены отойти к линии новой советско-финляндской границы.

1 августа 1944 г. президент Финляндии Ристо Рюти ушел в отставку, а 4 августа президентом страны стал главнокомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм. Премьер-министром вместо Эдвина Линкомиеса стал Антти Хакцелль. Новые президент и премьер-министр провели немалую часть своей жизни (до 1917 г.) в России (К.Г. Маннергейм был генералом русской императорской армии, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах; А. Хакцелль несколько лет жил и работал в России). Они, в отличие от своих предшественников, не были германофилами, достаточно хорошо разбирались в российских реалиях, владели русским языком. 25 августа правительство Финляндии обратилось через своего посланника в Стокгольме Г.А. Грипенберга к советскому послу А.М. Коллонтай с письмом, в котором оно просило передать советскому правительству просьбу о нача-

ле переговоров о заключении перемирия. 29 августа посольство СССР передало ответ своего правительства на просьбу Финляндии, в котором содержалось согласие на начало переговоров при условии немедленного разрыва отношений с Германией и вывода всех немецких войск с территории Финляндии к 15 сентября¹.

4 сентября 1944 г. между Финляндией и Советским Союзом было достигнуто соглашение о прекращении огня. 8 сентября в Москву прибыла финская мирная делегация во главе с премьер-министром А. Хакцеллем. Начало переговоров несколько задержалось из-за внезапной серьезной болезни А. Хакцелля. Переговоры начались 14 сентября. Финской делегацией руководил министр иностранных дел Карл Энкель, также имевший опыт жизни и службы в России. Председателем советской делегации был нарком иностранных дел В.М. Молотов. Членами делегации также были маршал К.Е. Ворошилов, глава ленинградской партийной организации, член Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданов, заместители наркома иностранных дел М.М. Литвинов и В.Г. Деканозов, начальник оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко. Со стороны союзников в переговорах участвовали посол Великобритании в СССР Арчибальд Керр и советник британского посольства Джон Бальфур². 19 сентября было подписано перемирие между Финляндией, с одной стороны, и Советским Союзом, а также Великобританией и другими государствами — участниками антигитлеровской коалиции — с другой. Участие Финляндии во Второй мировой войне в качестве фактического союзника нацистской Германии на этом прекратилось. Факт подписания перемирия, однако, явился лишь отправной точкой в решении многочисленных проблем, накопившихся в отношениях между Финляндией и Советским Союзом.

Соглашение о перемирии обязывало Финляндию безотлагательно начать очищение территории страны от немецких войск. Находившиеся в финской Лапландии части германской армии подлежали разоружению, а их личный состав — передаче союзному (советскому) командованию в качестве военнопленных. Восстанавливалось действие Московского мирного договора 1940 г. Предусматривался отход финских вооруженных сил за пределы установленной им границы с последующей их демобилизацией и переходом на мирное положение в течение двух месяцев. Финляндия должна была предоставить свои аэродромы и территории

¹ Широкопад А.Б. Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009. С. 351.

² Великобритания разорвала дипломатические отношения с Финляндией и формально вступила в состояние войны с ней в конце 1941 г. С еще одним участником антигитлеровской коалиции — США — у Финляндии дипломатические отношения не были разорваны.

альные воды для операций против Германии на время продолжения военных действий. Советскому Союзу передавалась область Петсамо (Печенга), уступленная Советской Россией Финляндии по Тартускому мирному договору 1920 г.¹

Соглашение обязывало Финляндию возвратить Советскому Союзу вывезенные с его территории в период войны все ценности, имущество и материалы. Финляндия должна была выплатить СССР репарации товарами на сумму в 300 млн. долларов в течение шести лет. Эти репарации лишь частично покрывали нанесенный Советской Карелии материальный ущерб (сумма репараций в рублевом эквиваленте была равна двум миллиардам, тогда как общая сумма нанесенного ущерба была позднее оценена в 20 млрд. рублей). Условия соглашения о перемирии предусматривали также внутривнутриполитические изменения в Финляндии. Все политические, военные, военизированные и прочие организации, признанные профашистскими, антисоветскими, националистическими, подлежали немедленному роспуску². Требовалось задержать лиц, виновных в военных преступлениях, и привлечь их к судебной ответственности. В то же время немедленному освобождению подлежали лица, находившиеся в Финляндии в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций. Финляндский парламент должен был отменить всякое дискриминационное законодательство в отношении левых партий и движений и вытекающие из него ограничения. Для контроля над выполнением положения соглашения о перемирии учреждалась Союзная контрольная комиссия под председательством А.А. Жданова, которая приступила к своим обязанностям в Финляндии 23 сентября³.

В ходе переговоров о заключении перемирия сложности вызвал вопрос о месте для новой советской военно-морской базы на территории Финляндии. 17 сентября В.М. Молотов выдвинул требование о передаче Советскому Союзу в аренду под военно-морскую базу района полуострова Порккала-Удд. Узнав об этом, МИД Финляндии в телеграмме финской делегации на московских переговорах представил для предложения советской стороне варианты, выглядевшие для финского руководства более приемлемыми, чем сдача в аренду Порккала-Удд, ко-

¹ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985. С. 101; Tillotson H.M. Finland at Peace and War 1918–1993. Norwich, 1993. P. 223.

² Были распущены, в частности, шюцкор (suojeluskunta), Патриотическое народное движение (Isänmaallinen Kansaliike), Академическое Карельское общество (Akateeminen Karjala-Seura), Союз фенноманов (Suomalaisuden Liitto), некоторые русские, ингерманландские и восточно-карельские эмигрантские организации.

³ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Указан соч. С. 102–103; Tillotson H.M. Finland at Peace and War 1918–1993. P. 223.

торый находился на слишком близком расстоянии от Хельсинки. Речь шла или о восстановлении арендного соглашения о полуострове Ханко (где советская военно-морская база находилась после «зимней» войны в 1940–1941 гг.), или о выделении участка под советскую базу на Аландских островах¹. Министр иностранных дел Финляндии К. Энкель, возглавлявший финскую делегацию на переговорах в Москве, не стал, однако, выступить с подобным предложением². Статья 9 соглашения о перемирии, посвященная Аландскому вопросу, гласила: «Действие Соглашения об Аландских островах, заключенного между Советским Союзом и Финляндией 11 октября 1940 г., полностью восстанавливается»³ (соглашение предусматривало сохранение статуса Аландского архипелага как демилитаризованной зоны). Довоенный демилитаризованный статус Аландского архипелага был, таким образом, подтвержден⁴. Финской стороне пришлось согласиться на передачу Советскому Союзу полуострова Порккала-Удд в аренду под военно-морскую базу сроком на 50 лет, с ежегодной выплатой пяти миллионов финских марок арендной платы⁵. Оставшиеся в пределах советской территории части финских войск были отведены за линию государственной границы, в соответствии с условиями перемирия, в период с 21 сентября по 2 октября.

Одной из наиболее сложных задач для финской стороны было выполнение статьи 2 соглашения о перемирии: о разоружении и передаче союзному командованию находившихся на территории Финляндии немецких войск. Это должно было привести Финляндию к конфликту с ее

¹ Ulkoasiainhallinnon keskusarkisto (Helsinki). UM 110 B 3.

² Päärmilä A. Åland och vapenstillståndsfrågan i Moskva 1944 // Ålands Odling. Årsbok 1988. Mariehamn, 1990. S. 141.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 217.

⁴ Следует заметить, что еще до начала переговоров с Финляндией Кремль проявлял определенный интерес к Аландам. Действовавшая в рамках НКВД комиссия по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства под председательством М.М. Литвинова подготовила справку «Аландский вопрос», датированную 28 июня 1944 г. Эта справка содержала вывод о том, что при складывавшихся политических обстоятельствах наиболее правильным решением этого вопроса являлось установление неограниченного советского суверенитета над Аландскими островами. В случае невозможности полного овладения островами комиссия считала необходимым настаивать на предоставлении СССР военно-морских баз на островах с оставлением их в составе Финляндии или, в качестве более предпочтительного варианта, провозглашении их полной независимости. В конечном итоге, однако, было решено сохранить на островах статус-кво, действовавший с 1921 г.

⁵ Как известно, в 1955 г. Советский Союз в качестве жеста доброй воли, досрочно отказался от дальнейшей аренды Порккала-Удд. 26 января 1956 г. база была возвращена Финляндии.

прежними «братьями по оружию». Собственно, немцы, узнав о советско-финляндском соглашении о прекращении огня, попытались взять инициативу в свои руки и первыми начали враждебные действия против бывших союзников. 14 сентября немецкий десантный отряд численностью в 2500 человек предпринял попытку захватить остров Суурсаари (Гогланд) в Финском заливе, однако финский гарнизон острова отразил нападение. Несколько сот немецких военнослужащих, находившихся в Южной Финляндии и отвечавших, в соответствии с германо-финским соглашением, заключенным в сентябре 1940 г., за транзит немецких войск из Турку в Рованиemi, покинули Финляндию в течение десяти дней после заключения соглашения о прекращении огня 4 сентября¹.

Наибольшую сложность представляло собой разоружение 20-й горной армии вермахта, дислоцированной в финской Лапландии. Глава Союзной контрольной комиссии А.А. Жданов настойчиво требовал выполнения финнами соответствующих обязательств. Финское командование прилагало усилия, чтобы добиться мирного вывода частей армии с территории Финляндии и избежать боевого столкновения с ней. Немцы, однако, согласились лишь перевести свои войска с 65-й параллели на 66-ю и закрепились южнее Рованиemi². Избежать конфликта не удалось, и с конца сентября 1944 г. финские войска начали силой выдвирать немцев из Торнио и Кеми. Здесь разгорелись серьезные бои. С финской стороны в боях была задействована группировка, состоявшая из четырех дивизий и двух бригад, общей численностью около 75 000 человек³. Советское командование при этом не стало вмешиваться в события и удержало войска от перехода финской границы: когда войска Карельского фронта готовы были на плечах отступавшей немецкой армии углубиться на территорию Финляндии, Ставка запретила им это, несмотря на боевой порыв и недоумение фронтового командования⁴. С другой стороны, А.А. Жданов выражал недовольство недостаточной, по его мнению, активностью финских войск и прозрачно намекал, что если финны не будут действовать активнее, советское командование будет вынуждено предпринять действия, которые оно сочтет необходимыми⁵.

В течение первой недели район Торнио и Кеми был освобожден от оккупантов. Затем началось наступление финских войск на Рованиemi, где обосновался штаб 20-й горной армии. К концу октября финны рас-

¹ *Tillotson H.M.* Finland at Peace and War. P. 224.

² *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1968. С. 394.

³ *Kaila T.* Lapin sota. Helsinki, 1950. S. 126–127. Официально финляндское правительство объявило о состоянии войны с Германией только 4 марта 1945 г.

⁴ *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 392.

⁵ *Tillotson H.M.* Finland at Peace and War. P. 233.

членили немецкую армию на две части: одна заняла позицию у оз. Ина-ри, прикрывая дорогу на Петсамо, другая отошла к Килписъярви близ норвежской границы. Территория Лапландии в основном была очищена от немецких войск к концу ноября. Очаг сопротивления сохранялся в районе Килписъярви, где немцы создали сильный плацдарм («позиция Земмеринг»). Здесь бои продлились почти до конца апреля 1945 г. Лишь 25 апреля последняя немецкая часть отступила через норвежскую границу. «Лапландская война» обошлась Финляндии в 1036 убитых и пропавших без вести и 2904 раненых. Потери немцев убитыми, ранеными и пленными достигали 12 000 человек¹. Финской Лапландии был нанесен значительный ущерб, так как немцы, отступая, применяли тактику выжженной земли. Было разрушено более 25 000 жилых домов и общественных зданий, подорвано 750 мостов, выведены из строя дороги. Административный центр губернии город Рованиеми и несколько других населенных пунктов были почти полностью разрушены².

К моменту окончания военных действий на территории Финляндии находились около 45 тыс. советских военнопленных. Кроме того, в Финляндии оказалось значительное количество гражданских лиц из числа советских граждан. В основном это были жители оккупированных немцами районов Ленинградской области, которые в 1943–1944 гг., по соглашению между Финляндией и Германией, были перемещены через Эстонию в Финляндию. Их общая численность составила около 63 200 человек³. Среди них преобладали ингерманландские финны, однако встречались и представители других национальностей (ижоры, эстонцы, русские и др.). Кроме того, летом 1944 г. несколько тысяч жителей Олонецкой Карелии, главным образом этнические карелы и вепсы, эвакуировались в Финляндию вместе с отступающими финскими войсками. Статья 10 соглашения о перемирии предусматривала обязательство со стороны Финляндии «немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на родину»⁴. Один из пунктов

¹ *Tillotson H.M.* Finland at Peace and War. P. 234; *Koppinen V.* Tornion taistelun mysteeriö // *Sotilasaikakauslehti*. 1981. No 6–7. S. 400–444; *Микола К., Рейни К.* Военные действия финнов против немцев на севере Финляндии в 1944 году // *Военно-исторический журнал*. 1966. №1. С. 30–34.

² *Ursin M.* Pohjois-Suomen tuhot ja jälleenrakennus saksalaissodan 1944–1945 jälkeen. Oulu, 1980. S. 46–49.

³ *Tuuli E.* Inkeriläisten vaellus: Inkeriläisten väestön siirto, 1941–1943. Porvoo; Helsinki, 1988. S. 209.

⁴ Правда. 1944. 22 сентября.

инструкции Союзной контрольной комиссии предусматривал обязательство комиссии «выявить имеющиеся лагеря для советских и союзных военнопленных и интернированных, а также места нахождения насильственно уведённых в Финляндию советских и союзных граждан и всех беженцев. Установить национальность и государственную принадлежность указанных лиц, а также определить порядок и сроки их репатриации»¹.

14 ноября в Хельсинки была направлена группа офицеров, сформированная управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, под руководством полковника Н. Филатова для проведения мероприятий по репатриации советских граждан из Финляндии. Члены группы выявили на территории Финляндии в общей сложности 108746 советских граждан, как военнопленных, так и гражданских лиц². 19 ноября 1944 г. ГКО СССР принял секретное постановление «О переселении из Финляндии населения ингерманландского происхождения, ранее проживавшего в Ленинградской области»³. 27 ноября соглашением между Союзной контрольной комиссией и Отделом по делам перемещённого населения в составе МВД Финляндии был определен порядок проведения мероприятий по репатриации советских граждан. Финская сторона обязывалась обеспечить репатриантам вывоз всего имущества. Оставляемые им жилые дома и хозяйственные постройки должны были компенсироваться материалами или стандартными сборными домами. Лица, не имевшие запасов, снабжались мукой, картофелем, овощами и посевным материалом, недоимки по налогам и кредитам подлежали списанию⁴.

В Финляндии были устроены 23 сборных пункта для сбора и подготовке к отправке гражданских лиц. Передаточный пункт находился на станции Нурми на советской стороне границы⁵. С 4 декабря 1944 г. до середины января 1945 г. из Финляндии в СССР проследовал 81 эшелон с репатриантами, который перевез 56030 человек. Основная кампания по репатриации продолжалась до осени 1947 г. Всего на родину вернулись, согласно сведениям Управления уполномоченного СНК по делам репатриации, 58412 советских граждан — перемещённых лиц⁶. Также до начала марта 1946 г. из Финляндии в СССР были транспортированы 42783 бывших военнопленных⁷. Возвращение небольших групп военнопленных и интернированных в СССР продолжалось до конца 1953 г. В общей слож-

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

² ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 98.

³ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 105. Л. 21–22.

⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 99.

⁶ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 96, 72; Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100.

⁷ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100.

ности были возвращены 46 344 бывших военнопленных и интернированных¹. Около 8000 человек (в основном ингерманландцы, но также и некоторые бывшие военнопленные) уклонились от репатриации и остались в Финляндии². Из них около половины, не чувствуя себя в безопасности в Финляндии, в течение 1945–1946 гг. перебрались в Швецию³.

Союзная контрольная комиссия настойчиво добивалась от финской стороны выдачи советских граждан, служивших в рядах финской армии. В годы войны в Финляндии из выходцев из СССР были сформированы две воинские части: 6-й отдельный батальон (6. Erillinen pataljoona), набранный среди ингерманландцев, и 3-й «Соплеменный» батальон (3. Heimopataljoona), в который были набраны добровольцы в лагерях военнопленных из числа этнических финнов, карелов и вепсов. С 1945 по 1953 г. советской стороне был выдан 841 бывший военный служащий этих батальонов. Более 900 человек уклонились от выдачи, некоторые из них (около 400 человек) сумели уехать в Швецию⁴.

Также по настоянию Союзной контрольной комиссии советской стороне были выданы некоторые деятели русской эмиграции, находившиеся в Финляндии (число выданных называется различное: от 19 до 200 человек)⁵. Среди лиц, экстрадированных в Советский Союз, наиболее заметными фигурами были один из лидеров Кронштадтского восстания 1921 г. С.М. Петриченко⁶ и деятель «белой» эмиграции генерал С.Ц. Добровольский⁷. Некоторые из русских эмигрантов оказались более предусмотрительными и вовремя покинули Финляндию.

¹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1989. S. 304.

² В материалах Управления уполномоченного по делам репатриации в марте 1946 г. указывалась цифра в 7551 человек, «задерживаемых» в Финляндии (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 96).

³ Berge A. Flyktningpolitik i stormakts skugga. Sverige och de sovjetryska flyktningarna under andra världskriget. Uppsala, 1992. S. 83.

⁴ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 310–311.

⁵ Их называли в Финляндии «узниками Лейно» (Leinon vangit), так как их выдачей руководил министр внутренних дел Финляндии коммунист Ю. Лейно, зять О.В. Куусинена.

⁶ Степан Петриченко, член кронштадтского ревкома в 1921 г., после подавления восстания бежал в Финляндию. С 1927 г. сотрудничал с советской разведкой. Это, однако, не спасло его от экстрадиции в СССР. В апреле 1945 г. С.М. Петриченко был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, однако уже в 1947 г. он скончался в заключении.

⁷ Генерал Северин Добровольский — участник Гражданской войны в рядах Северной армии генерала Е.К. Миллера. Проживая в Финляндии, был связан с различными эмигрантскими организациями, в 1930-е гг. издавал в Выборге журнал правого толка «Клич». Во время войн 1939–1940 и 1941–1944 гг. работал в органах пропаганды. Выдан советской стороне в 1945 г. Расстрелян в 1946 г. по приговору Военного трибунала Московского военного округа.

К их числу относился П.П. Соколов, активный сторонник великого князя Кирилла Владимировича, который в 1920–1930-е гг. был связан с финскими спецслужбами, отвечал за работу нелегальных «окон» на советско-финляндской границе, руководил деятельностью «Союза Ивана Сусанина», а во время войны работал в отделе пропаганды. После заключения советско-финляндского перемирия, понимая угрозу экстрадиции в СССР, Соколов по поддельным документам сумел выехать в Швецию. В общей сложности с конца 1944 г. по март 1946 г. из Финляндии в СССР вернулись добровольно или были возвращены принудительно 101 195 советских граждан. Еще несколько сот человек добавились к ним до середины 1950-х гг.¹

Огромное значение для будущего развития добрососедских отношений между Финляндией и СССР имело выполнение Финляндией экономических пунктов, оговоренных при заключении перемирия. 17 декабря 1944 г. в Хельсинки, в соответствии со статьей 11 соглашения о перемирии, между правительствами СССР и Финляндии было подписано соглашение о поставках Финляндией товаров в порядке возмещения убытков, причиненных Финляндией СССР военными действиями и оккупацией. До 8 января 1945 г. в СССР было направлено 44 парохода и 1266 вагонов с товарами, среди которых были пиломатериалы, целлюлоза, картон, фанера, бумага, медный кабель. В течение первого платежного года Финляндия поставила СССР различных товаров на сумму 51 500 000 долларов, в том числе электрокабель, товары широкого потребления и т.д. Финляндия также передала СССР суда на общую сумму 2 300 000 долларов. По условиям перемирия она должна была поставить 30 шхун. Финляндия передала в собственность СССР германские активы, согласно решению Берлинской конференции руководителей трех держав².

В январе 1945 г. между Финляндией и СССР были начаты переговоры относительно снабжения Финляндии продовольственными товарами в обмен на стратегическое сырье. Торговое соглашение было подписано 31 января 1945 г. По этому соглашению СССР должен был поставить до июня 1945 г. в Финляндию 30 тыс. тонн зерна, 1 тыс. тонн сахара и 300 тонн кондитерских изделий. В обмен Финляндия должна была до конца 1945 г. поставить в СССР никель, кобальт, серный колчедан и некоторые виды вооружения, а также оказать определенные услуги по ремонту на финских верфях советских торговых судов³. Это было первое торговое соглашение между СССР и Финляндией после войны.

¹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100.

² *Nyväntäki L. Vaaran vuodet 1944–1948*. Helsinki, 1955. S. 89; *Ингульская Л.А. В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948)*. М., 1972. С. 215.

³ Известия. 1945. 2 февраля.

Большое значение для дальнейшей нормализации советско-финляндских отношений имел успех левых сил на парламентских выборах в Финляндии в марте 1945 г. Демократический союз народа Финляндии получил 25% голосов. 9 марта Ю.К. Паасикиви был избран президентом Финляндии. В мае 1945 г. состоялись новые торговые переговоры между Финляндией и СССР, закончившиеся подписанием соглашения о товарообмене между обеими странами, предусматривавшего переход от компенсационных сделок к расчетам по клирингу. Финляндия обязалась поставлять СССР главным образом деревянные стандартные дома, бумагу, целлюлозу. В обмен СССР должен был поставлять в Финляндию в основном зерно, табак, соль, нефтяные продукты, некоторые виды сырья. К осени 1945 г. между Финляндией и СССР было заключено в общей сложности три краткосрочных торговых соглашения¹.

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор между Финляндией, с одной стороны, и СССР и другими государствами, формально находившимися в 1941–1944 гг. в состоянии войны с Финляндией, — с другой. Его условия в основном повторяли пункты перемирия 1944 г. 6 апреля 1948 г. был заключен договор между СССР и Финляндией о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который оставался основой взаимоотношений между двумя странами до конца 1980-х гг. В целом можно констатировать, что для Финляндии выход из войны и урегулирование отношений с Советским Союзом оказались значительно менее болезненными, чем они могли быть в сложившихся обстоятельствах. Это было связано, с одной стороны, с умелыми и своевременными действиями новых первых лиц Финляндского государства (К.Г. Маннергейм, А. Хакцель, Ю.К. Паасикиви, К. Энкель), сменивших прежнее прогерманское руководство, и, с другой стороны, с умеренностью советской стороны, которая постаралась избежать чрезмерно жесткого давления на Финляндию, способного побудить финнов продолжить сопротивление. Именно в этот период начал формироваться новый курс финляндской внешней политики (т.н. «линия Паасикиви — Кекконена»), который проводился на протяжении последующих нескольких десятилетий.

¹ *Ингульская Л.А.* Указ. соч. С. 216–217.

В.Л. Пянкевич

НЕМЦЫ В НЕФОРМАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Ленинградцы, как и большинство советских людей, восприняли начало войны как страшную, горькую весть. Однако было не только единодушное, ощущение катастрофы, стремление встать на защиту своей страны и родного города. В сводке Управления милиции по Ленинградской области о настроении населения за 22–24 июня 1941 г. были отмечены «единичные проявления» «антисоветских настроений, контрреволюционных разговоров», уклонения от мобилизации¹.

В своем дневнике горожанка так свидетельствует о происшедшем утром четвертого дня войны на ленинградской коммунальной кухне: «Ораторствовала наша соседка по квартире, Любовь Куракина, муж которой, в прошлом партиец, сидел уже два года по обвинению в контрреволюции. Хотя коммунистические настроения Куракиной после ареста мужа и пошатнулись, но в эту ночь под грохот зениток она забыла все обиды. Убежденно твердила о непобедимости Советской России. Уверенность Куракиной действовала в какой-то степени успокоительно, хотя и не верилось вполне тому, о чем она говорила. На высоком сундуке сидела бывшая домовладелица Анастасия Владимировна и саркастически улыбалась. Она не скрывала своей ненависти к советской власти и видела в войне и победе немцев единственное спасение. Хотя я во многом разделяю ее взгляды, но в эту минуту ее улыбка безумно меня раздражает. Хочется верить несмотря ни на что, что Россия не будет уничтожена, а в то же время сознаешь, что только эта война является реальной возможностью для освобождения от террористического режима»². Американский публицист и историк Г. Солсбери, думается, справедливо полагает: «Не все могли, как Ольга Берггольц, забыть жестокость, страдания, зверство, разбитые мечты и утраченные иллюзии прошедшего десятилетия, не все были способны понять, что самое главное в этот решающий час — Родина и любовь к ней. Были и те, кто тайно или, может быть, не столь уж

¹ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 600, прим.

² *Скрябина Е.А.* Страницы жизни. М., 1994. С. 107.

тайно радовался нападению немцев. Им казалось, что немцы освободят Ленинград и Россию от власти ненавистных большевиков»¹.

С началом войны немцы заняли важное место в неформальном коммуникативном пространстве Ленинграда — им было посвящено немало разговоров и слухов. Хотя бы в общении между собой горожане интуитивно пытались представить захватчика не столь опасным и безжалостным, обрести надежду. Поначалу среди ленинградцев были распространены настроения, которые соответствовали доминировавшим тогда в советской пропаганде установкам о том, что с началом войны против СССР, немцы–пролетарии поднимутся и повернут оружие против гитлеровского режима. Пропагандистский миф порождал надежды на немецкий народ, рабочих Германии, которые должны были действовать в соответствии с идеей классовой солидарности. На третий день войны шестнадцатилетняя Е. Мухина с надеждой пересказывает в своем дневнике официальную информацию о тяжелом положении немецких войск и Германии, о том, что в тылу у немцев более опасный противник, чем на фронтах — голодные, доведенные до крайности фашистским режимом народные массы, о переходе немецких солдат на нашу сторону².

Не только ленинградская школьница, но и более информированные, умудренные жизненным опытом взрослые вначале уповали на мифическую классовую солидарность немцев. Не случайно они искреннее недоумевали: «Почему фашисты продолжают захватывать наши советские земли? Вот вопрос, который волнует всех, — записывает в августе 1941 г. и.о. директора Ленинградского института истории ВКП(б) Е.А. Соколова. — Однажды мне даже инструктор нашего райкома ВКП(б) Пономарева сказала, что она ночи не спит и все думает: „Почему немецкие рабочие сражаются против Советского Союза?“»³. Характерное признание содержится в дневнике ученого, историка и архивиста, директора Архива АН СССР Г.А. Князева: «Сколько было надежд, что при нападении на Советский Союз пролетариат нападающих стран не допустит этого. Все это оказалось мечтой!..»⁴

По мере того как вера в «народную» и «классовую» солидарность немцев исчезала, все более частыми среди ленинградцев становились разговоры, отражавшие как страх, так и надежду на другое — высокую немецкую культуру. Усиленно — не без влияния германской агентуры — муссировались слухи о том, что немцы — «культурная нация» и доброжелательно на-

¹ Солсбери Г. 900 дней. М., 1996. С. 128, 129.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 72. Л. 16 об, 19.

³ Там же. Д. 109. Л. 2.

⁴ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 241.

строены к населению захваченных территорий¹. Профессор Д.И. Каргин вспоминал: «Почему-то было распространено мнение, что немцы, являясь культурным народом, не могут во всей своей массе проявлять некультурность по отношению к народам Советского Союза и их имуществу»².

Подобные настроения в начале войны питались тем обстоятельством, что первые бомбы разорвались на территории Ленинграда только перед самым началом блокады — 6 сентября 1941 г. «По городу ходит малообоснованное и не разделяемое официально мнение, что немцы бомбить Ленинград не будут», — свидетельствует на второй день войны Д.Н. Лазарев³. Главный механик Металлического завода Г.А. Кулагин вспоминал о ситуации в городе в августе 1941 г.: «На Ленинград, несмотря на частые тревоги, не упала ни одна бомба. Шептуны заговорили о том, что якобы „немцы жалеют Ленинград, хотят сохранить в целости его художественные и исторические памятники“»⁴. Блокадница воспроизводит слова своей однокурсницы — дочери известного хирурга, произнесенные накануне окружения города: «„Папа говорит, что немцы Петербург бомбить не будут, а возьмут его неповрежденным!“. Этому верили многие тогда и даже слегка злорадствовали, когда немцы стали бомбить Москву: „Знают, где враги засели, так им и надо. Нас не тронут, мы петербуржцы!“»⁵. Впрочем, были и другие мнения об угрозе бомбовых ударов. «Бомбежка Ленинграда неминуема, и тот, кто распространяет мнение, что немцы не будут бомбить Ленинград, — злостный провокатор или глупый болтун...» (11 августа)⁶.

Отсутствие бомбежек изумляло, порождало мифы. «Ленинградцы крайне удивлены тем обстоятельством, что немцы, несмотря на наступившие темные ночи, не бомбят город. Каждый объясняет это по-своему. Многие ...тешат себя иллюзиями» (19 августа)⁷. «Немцы опять не бомбили Ленинград. Это вызывает большое удивление и массу толков, иногда крайне примитивных. Вплоть до того, что гитлеровой дочери нужна неразрушенная великолепная северная столица!» (20 августа)⁸. «В ночь на 22 августа, а потом на 23-е ждали бомбежки Ленинграда. 22-го ис-

¹ Ленинград в годы Великой Отечественной войны. Очерки. Документы. Фотографии / Авторы-составители В.М. Ковальчук, А.Н. Чистиков. СПб., 2005. С. 17.

² Каргин Д.И. Великое и трагическое. СПб., 2000. С. 27.

³ Лазарев Д.Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 194.

⁴ Кулагин Г.А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л., 1978. С. 34.

⁵ Нератова Р.И. В дни войны: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 37.

⁶ Князев Г.А. Указ. соч. С. 118.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Там же. С. 137.